

НИКОЛАЙ ПОБЕРЕЖНИК

БОЕВАЯ ФАНТАСТИКА

ГНЕВ
ИЗГНАННИКОВ

Боевая фантастика (АСТ)

Николай Побережник

Гнев изгнанников

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Побережник Н.

Гнев изгнанников / Н. Побережник — «АСТ», 2016 — (Боевая фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-098905-8

Волею неведомых сил он был заброшен в другой мир, в котором смог адаптироваться, найти друзей, любовь и... врагов, которые лишились власти, затаили обиду и нашли союзников среди вероломных и хитрых иноземцев. Потеря близких, предательство и изгнание не смогут сломить того, чья воля и характер переплелись с Хозяевами болот – дикими монстрами с кошачьей натурой. Желая спасти любимую, Никитин встанет на тропу, которая приведет его в Шахар. Он въедет в древний город верхом на болотном коте ожившей легендой. Бэли поведет древний народ, пути назад нет, пусть сбудется пророчество!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-098905-8

© Побережник Н., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	15
Глава четвертая	19
Глава пятая	23
Глава шестая	27
Глава седьмая	31
Глава восьмая	35
Глава девятая	38
Глава десятая	44
Глава одиннадцатая	49
Глава двенадцатая	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Николай Побережник

Гнев изгнанников

Серия «Боевая фантастика»

Цикл Николая Побережника **БОЛОТНЫЙ КОТ**

© Николай Побережник, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Глава первая

Заимка на берегу Чистого озера

Пожалуй, впору писать сочинение на тему «Как я провел лето». А замечательно провел! Обустроивая быт и выстраивая отношения, как говорится, в новой ячейке общества. Еще отработывал жалованье, будучи оружейником княжеской дружины, на пару с Варасом. Получалось на самом деле не очень. Нет, новые рабочие образцы были изготовлены, опробованы, переданы воеводе Тарину, человеку, который помог мне не сгинуть в этом дремучем Трехречье и многому научил. Так что на этом все, не позволяют технологии этого мира большего, да и знаний мне не хватает специфических. Вот и отправили в Городище лишь две катапульты, способные метнуть мину на три сотни шагов, и четыре тяжеленные пищали. Была и пятая, но из-за дефекта в литье поддуло ствол при тестовых выстрелах, и пришлось ее забраковать. Единственное, что отлично «пошло в серию», так это арбалеты и баллисты, в их изготовлении не было ничего сложного, другие оружейники княжества быстро освоили процесс и включились в работу.

В середине лета случилась очень неприятная и даже трагическая история: князь Талес прислал к нам с Варасом двух колдунов из Городища, чтобы я передал им секрет изготовления дымного пороха. Как я ни предупреждал, как ни рассказывал, но инструктаж по технике безопасности впрямь не пошел. Буквально через неделю после того, как колдуны с новыми знаниями вернулись в Городище и на территории посада стали заниматься изготовлением пороха, произошел взрыв, а затем пожар, который уничтожил несколько домов. Из-за чего все случилось, оставалось только догадываться, потому как оба колдуна и еще шесть человек погибли при взрыве и пожаре. Народ начал роптать, винить во всем княжеских колдунов, в гневе даже забили какого-то ведуна, что безобидно торговал лечебными травами... Да, дремучий и скорый на расправу люд живет в Трехречье. После того случая из Городища прискакал посыльный от князя с запретом на все работы, связанные с огнестрельным оружием. Испугался молодой князь недовольства народа, который только-только стал доверять законному наследнику. Так что провожу теперь три дня в неделю на кузне, изготавливая вместе с Варасом плечи для арбалетов и баллист, наконечники для стрел, и в качестве факультатива беру уроки кузнечного дела, да и на деревянных мечях, бывает, сойдемся для поддержания формы. Остальное время изучаю окрестности своей заимки и охочусь, совершенствуя навыки стрельбы из лука и арбалета, а также провожу время с молодой и красивой женой, как я любя называю Дарину – амазонкой...

В этом дремучем мире девушка на выданье может легко решить проблему замужества. Повязала «Девичье сердце» на запястье потенциальному мужу, и все – ему не отвертеться. Нет, конечно, проигнорировать выбор девушки можно и выбросить кожаный браслет с побрякушками куда подальше, однако тут вступают в действие традиции и устои этого мира, а еще возможные многочисленные родственники отвергнутой, с желанием обезглавить подлеца. Это я, конечно, утрирую, кто же в здравом уме позволит себя «окольцевать» без взаимной симпатии, чувств и любви, в конце концов, если таковая имеет место быть. Хотя рассказывали мне, бывало, подпоит баба мужика да повяжет «Девичье сердце», а еще и при свидетелях, вот уж не позавидуешь потом такому семейному счастью. Я по незнанию позволил повязать себе такой браслет на запястье, думая, что это просто безделушка на память... Но когда все выяснилось, уже испытывал определенные чувства к Дарине, на которые я оказался способен и которые почему-то проявились именно в этом, чужом, опасном, но принявшем меня мире. Сознаюсь, эгоистом я был раньше еще тем в моем мире, откуда провалился в этот и очнулся на болотах близ Чистого озера, а на противоположном берегу сейчас стоит моя заимка, построенная на земле, жалованной мне молодым князем Талесом за верность и, чего уж, за оказанные услуги.

Ее сосредоточенный взгляд поверх острия меча не упускал ни одного моего движения. Я сделал шаг назад, и она, словно привязанная, подалась вперед, при этом дунула вверх на свалившийся на глаза локон черных волос. Мы оба уже прилично устали: поди, четверть часа, не меньше, длится поединок. Я поменял стойку, переместив левую ногу назад, чем снова попытался разорвать дистанцию... и она решила атаковать! С кошачьей грацией, силой и ловкостью бросок вперед и в сторону, еще и какой-то финт обманный крутанула коротким мечом и тут же рубанула им вниз. Я успел в самый последний момент отбить удар, словил ощутимый рикошет в кисть от рукояти, быстро сократил дистанцию, бросив меч, перехватил ее руку...

– Никитин! – обездвиженная в моих объятьях, возмутилась Дарина и смешно нахмурилась, надув губы, в которые я ее быстро чмокнул, ослабив хватку, и тут же получил от неё резкий тычок в живот. В ответ я чуть присел и, обняв ее за талию, закинул себе на плечо и пошел к дому...

– Никитин! – барабанила она меня по спине. – Пусти! Батюшка приплыл!

Остановившись со своей добычей на плече, я повернулся к озеру, от которого шел Варас с большой плетеной корзиной.

– Балуете? – улыбнулся он, кивнув на воткнутый в землю с пожелтевшей осенней травой деревянный меч.

– Похоже, последние деньки стоят теплые, вот и решили размяться да ратному делу время уделить.

– Ну, поставь ты ее уже, хоть обниму кровинушку свою, соскучился.

Дарина обнялась с отцом, после чего он пожал мне руку, как всегда крепко, и вручил корзину.

– Неси в дом, следом сестра плывет, скоро будет, поговорить с тобой хочет.

После этих слов я, честно говоря, немного напрягся. Редко Чернава сама к кому-то в гости появляется, обычно мы ее проводываем, а тут наверняка каких-то снов опять насмотрелась.

– Наверное, отварами из трав своих опять надышалась, – попытался сострить я, гоня от себя плохие мысли, – вот и спит плохо.

В ответ Варас лишь хмыкнул, не оценив шутки, и подтолкнул меня в спину, добавив:

– Корзину отнеси, пусть Дарина накрывает на стол, а ты выходи, подымим.

Когда я вышел на веранду, Варас сидел на бревне у стены, положив ножны на колени, курил свою трубку с длинным мундштуком и щурился на озеро, о чем-то глубоко задумавшись.

– Она тебе уже сказала, – присел я рядом, – ну, про сон?

Варас кивнул и выдохнул дым.

– Судя по твоему виду, ничего хорошего она там не увидела.

– Она вообще ничего не увидела, – повернулся он ко мне, – вот что чудно.

– Это как?

– А вот и Чернава, – Варас показал ручищей на озеро, – уже приплыла, сама и расскажет...

Торговый каменок. Берег Желтого озера

С появлением иноземных гостей каменок затаился, приутихла торговля, редкие караваны стали ходить из земель Желтого озера в Трехречье, кроме товаров привозя в княжество странные вести. Земли Желтого озера существуют обособленно, давая пристанище всем, кто покинул княжество. Армии как таковой нет, а те малочисленные отряды наемников, что были в распоряжении местных родов, выполняли лишь охранные функции да кое-как следили за порядком. Встав гарнизоном близ торгового каменка, иноземцы особо себя не проявляли, щедро одарив золотыми монетами, отличающимися от ноготков княжества и весом и разме-

ром. Иноземцы наняли людей для строительства стен вокруг разбитого весной лагеря. В окруженный временным частоколом лагерь в течение лета прибыло еще несколько отрядов и обозов. Иноземцы вели себя так, будто делают одолжение местному люду своим присутствием.

– Хозяин, хозяин Корен, – Бэлк постучал в дверь комнаты на втором этаже торговой гильдии.

– Чего тебе? – Корен уже который месяц пребывал в состоянии хандры, тоски, а возможно, отчаянья.

– Приехал обоз из княжества, ткачи расторговались хорошо, тут двое пришли, хотят внести плату да новости рассказать, – оставаясь в дверях, сказал Бэлк.

– Веди, – Корен стоял у окна и разглядывал строящуюся на холме крепость, за стенами которой он побывал всего лишь раз, но результат разговора с генералом иноземцев расстроил Корена настолько, что тот впал в длительную хандру.

Через несколько минут Бэлк привел двух купцов, что торгуют тканями, которые ткут в многодворцах их рода. Приложив руку к груди, они вошли, поклонились Солнцу и Большой луне, а после приглашения Корена присели за стол.

– Прежде чем внести плату, – один из купцов поскреб бороду, – мы хотим узнать у тебя, Корен, будем ли мы, как и прежде, под защитой гильдии?

– Конечно, – Корен присел напротив.

– Хорошо бы... – Купец нерешительно поставил на стол кошель, – молодой князь приказал строить пограничные посты.

– Я знаю про это, – Корен быстро смахнул кошель со стола, – но пропускают же.

– Пропускают, – кивнул купец, – проверяют только пуще прежнего.

Купцы явно хотели что-то еще сказать, но не решались, переглядывались...

– Что-то еще? – Корен встал и отошел к окну, не желая встречаться глазами с гостями.

– Корен, ты у нас здесь уважаемый человек, – решил один из купцов, – другие старейшины родов с тобой считались...

– Считались?

– Эм... Ну, я-то что, говорю, о чем люди меж собой говорят...

– Продолжай, – все так же стоя у окна спиной к посетителям, потребовал Корен.

– Иноземцы эти... они щедро платят за работы и товары, а еще некоторые купцы поговаривают о том, что можно попросить их о защите... а еще о том, что в твоей, Корен, защите они не нуждаются, а гильдия твоя только чтобы людей обдирать...

– Так, значит, заговорили, – Корен повернулся к купцам, краснея от злости, – мы еще посмотрим, есть ли во мне нужда! Что-то еще?

– Пойдем мы, пожалуй...

Проводив купцов, Корен сокрушенно опустился на кресло, ему не нравилось происходящее, но не понимал, как себя вести, как жить дальше при наличии по соседству грозной иноземной армии, цели которой тоже не ясны. Строят крепость, с местным людом не то чтобы любезны, скорее даже холодны, но за услуги и товары платят золотом...

– Все же я не с того начал, – осенило Корена. Он налил себе полную кружку вина и, не отрываясь, за несколько глотков выпил ее, промокнул платком усы и бородку и крикнул: – Бэлк! Готовь повозку!

– Сколько охраны? – возник в дверях приказчик.

– Нисколько, к иноземцам поеду! Как там их генерала, или кто он у них, зовут?

– Стак, наместник Стак.

– Наместник? – Корен, немало удивившись, поднял бровь.

– Да, хозяин.

– Что ж, иди, готовь повозку, – Корен кивком указал приказчику на дверь, а сам подошел к сундуку с одеждой и стал перебирать туники в поисках самой дорогой.

* * *

Чернава, проходя мимо нас с Варасом, лишь кивнула и вошла в дом, настроение у неё было явно ниже плинтуса.

– Пообедаем сначала? – спросил Варас, усаживаясь за стол.

– Да, братец, – Чернава тоже опустилась на лавку рядом с ним.

Обедали молча, так принято в этом семействе, это я, можно сказать, хулиганю, когда мы с Дариной вдвоем трапезничаем, могу пошутить, или о своем мире рассказываю, она, словно ребенок, эти мои рассказы как сказки слушает. Они и есть сказки, этот мир намного реальней, чем тот, из которого я попал сюда... реальней люди, реальней их поступки и дела, и самое главное – ответственность за эти дела.

– Предупредить тебя, Никитин, хочу, – сказала Чернава, когда я, разобравшись с обедом, ковырял пальцем волокна на дереве столешницы и уже несколько минут поглядывал на свою новоявленную родственницу-колдунью.

– Только меня? – сразу уточнил я.

– Не только... – Чернава отодвинула тарелку, положила руки на стол ладонь на ладонь и, выпрямив и без того идеально прямую спину, продолжила: – Тот, второй... из твоего мира, я видела его во сне, пошла за ним, не смогла ничего более разглядеть, тьма и огонь оттолкнули меня.

– И что это значит?

– Трудно сказать, но ты в опасности, ведь тот человек также знает о тебе, и он... – Чернава закрыла глаза и глубоко вздохнула, – он хочет приблизиться к тьме, а тьма уже на границах княжества... мне удалось ненадолго увидеть посланников тьмы... княжество падет.

– Да как же так падет-то, дружина князя не допустит! – хмыкнул Варас.

– Не было доселе такого, братец.

Я заметил, что руки Чернавы чуть подрагивают, да и лица коснулась тень страха.

– Что ты видела? – чуть наклонился я над столом и положил ладонь на руки Чернавы.

– Это воины, что пересекли пустыню, их много, и они... им не нужен свет Большой луны, для них что ночь, что день – все одно.

– Это как?

– Что ночь, что день – все одно, – повторила Чернава, открыла глаза и впиалась в меня взглядом, от которого мне стало не по себе. – Как твое единение с болотными котами?

– Бродят зверюги, пугают меня, – молчавшая до этого Дарина встала из-за стола, подошла к окну и кивнула в сторону озера, – на том берегу каждый вечер почти... двое. Сядут и смотрят.

– Я же говорил, они дальше не пойдут, – я подошел к ней и взял за руку, – я их просил.

– Хорошо, – Чернава кивнула, – но этого мало, вышедший из тьмы зверь сможет быть тебе союзником. Не князь, не дружина его, не эти ваши новые оружия...

– Когда? – Варас достал трубку и крутил ее в руках.

– Зима будет долгой...

* * *

– Зима будет долгой – нет, ты слышал? – Я сидел вместе с Варасом на веранде, провожая взглядом «женщину с веслом», то есть глядя, как Чернава, стоя в длинной лодке, плавными движениями перекидывает длинное весло с одного борта на другой, медленно плывет по озеру, удаляясь от берега.

– Тяжело сестрице, – вздохнул Варас.

– Ага, теперь и нам не легче! Зима будет долгой... Что ночь, что день – все одно... княжество падет... посланники тьмы, мать их ети!

– Не гневи богов! – Варас сурово посмотрел на меня.

– Вырвалось...

– Боишься?

– Хорошо бы еще знать, чего бояться! Терпеть не могу неопределенности и неизвестности. Вот честно, лучше бы не приплывала! Сказала «А», так не будь «Б»!

– Вот это последнее я не понял, но ты, Никитин, не бранись на сестру мою, она по сердцу, по вере все делает, а то, что не смогла все увидеть, на то богов воля, и не гневи их недоверием своим.

– Ладно, сказала союзников искать... хорошо, пойдешь со мной на тот берег завтра?

– Это ты у нас чрез обряд пройденный, вот сам и иди, а мне чего на болотах делать?

– Ну да... – Я встал и подошел к краю веранды, всматриваясь в противоположный берег. – Завтра утром тогда и пойду! А ты, Варас, если дел никаких нет, то оставайся, тебе дальше плыть, дотемна не успеешь.

– Благодарствую, но заказ у меня, поплыву домой.

Мы с Дариной проводили кузнеца Вараса и вернулись в дом, где я принялся собираться к завтрашнему походу к болотам.

Глава вторая

Граница Темных болот

Тихо ступая по новым гатям, проложенным мною пару месяцев назад по кочкам болота за озером, я прислушивался к происходящему в болотных зарослях. Присел на колени, услышав характерную возню, далеко, за сотню метров, пожалуй. Вообще звуков было много, и птицы чирикали и пищали на разные голоса, встречая восход. Слух... восприятие звуков изменилось, донесется что-то неуловимое, сосредоточишься – и пожалуйста, хоть уши затыкай! Но за несколько месяцев приспособился, научился вычленять из всей этой какофонии звуков то, что нужно. Запахи научился тонко чувствовать. Самое главное – зрение, для того чтобы пройтись ночью до ветру, мне не нужна лампада, различаю уже не только силуэты, как раньше, с десятка метров и лицо человека могу разглядеть. Это все последствия обряда, и в этом мире очень полезный бонус. Во что он выльется впоследствии, я не хочу даже думать, особенно после слов Чернавы, что это ее второй опыт подобного обряда. Первый подопытный умом тронулся после его свершения, ну а мне, считай, повезло остаться в здравом уме и светлой памяти.

Двух котов почувствовал сразу, не увидел, а как говорится, почувал нутром. Почувал и подумал, относя это именно к ним: «Стойте, сам вас найду». Поселившись на заимке, я буквально с первого дня стал общаться с хозяевами этих мест – большими, в холке до полутора метров, животными. Сначала страх все же испытывал, мало ли, вдруг что-то сломается, вдруг Чернава в своих заклинаниях буквы переставила... но нет, постепенно я научился заставлять их не подходить близко к берегу озера с противоположной стороны, так как Дарина, впервые увидев этих огромных монстров, пусть отделенных водной преградой, очень испугалась. Потом стал ощущать, будто меня кто-то позвал, вышел на мостки – сидит. Матерый такой кошак, уставился глазищами на меня и словно сказать что-то хочет или спросить. «Я теперь здесь живу», – сказал я ему тогда, после чего он, вероятно получив ответ, встал, нервно дернул хвостом, лишенным шерсти и напоминающим крысиный, и сиганул в заросли. Чем больше общался с ними, если это можно назвать общением, тем больше проникался. Похожи на саблезубого тигра с тех картинок из атласов про период последних ледниковых эпох: грязно-рыжая шерсть с темными полосами, уши с кисточками – в общем, кот-мутант, и насколько я уже понял, с повадками домашних питомцев из моего мира, один из которых остался сиротой в съемной квартире... хорошо хоть первый этаж, и форточка всегда открыта.

Два зверя дожидались меня в зарослях местного ивняка, один из них, что постарше, терпеливо сносил игры с его хвостом второго, молодого кота, который, увидев меня, припал на лапы и в два длинных и высоких прыжка оказался рядом, ткнулся головой мне в плечо, от чего я с трудом удержал равновесие. Вцепившись в шерсть на его сильной широкой груди, я сказал:

– Тихо, тихо, зверюга.

Кот принял во внимание мое замечание, еще раз ткнулся, но аккуратно, и сел. Второй кот, топорща усы и порывая в демонстрации своей мясорубки, подходить не стал – ждал, когда подойду я.

– Ну, привет, – положил я ему руку на холку, к слову находящуюся на уровне мой груди, – ну что, попробуем сегодня еще раз?

Поняв, о чем я, кот прогнул спину в предвкушении охоты, хотя некая нотка недоверия проскочила в его эмоциях. Прошлая и первая совместная охота получилась неудачной, и гиена, после того как я промахнулся из арбалета, смогла уйти колючими зарослями в глубь болот, оставляя клоки шерсти на ветках, покрытых длинными и острыми шипами. Коты не пошли за ней, а я-то тем более, за теми кустами я и сам мог легко стать добычей.

– Она недалеко, я слышал. Буду ждать здесь, гоните ее на меня.

Коты, рыча и огрызаясь друг на друга, скрылись за кустарником на нетопком участке, а я достал из подсумка на поясе болт с кованым трехгранным наконечником, взвел тетиву и приготовился к выстрелу, поправив перевязь. Выстрел успею сделать лишь один, а гиена опасный зверь – промахнусь, кинется, тут и мечу время, если успею... Вот такое я себе развлечение придумал – уничтожаю свой страх перед местной фауной и пытаюсь найти общий язык с болотными котами. Ждал относительно недолго, было слышно, как гиена мерзко взвыла, почуяв опасность, и стала искать безопасный путь к отступлению, бросив свою добычу. Треск веток в лесу, панический вой загоняемой жертвы, рычание двух моих помощников, звук все ближе... Гиена выскочила к топкому участку, замерла и, осмотревшись, побежала вдоль относительно сухого места, как раз на меня. Прицелился, веду, немного упреждения, выстрел... есть! Наконечник охотничьего болта, впившись в грудь, рассек сосуды, пробил легкие и, возможно, достал до сердца, потому что животное, пробежав буквально несколько шагов, рухнуло в высокую траву. Коты выскочили следом, тот, что старше, прыгнул и приземлился уже рядом с упавшей гиеной, его челюсти переломили шею жертвы, а молодой кот, соблюдая субординацию, с рычанием ходил кругами и, если мне не показалось, с одобрением смотрел на меня.

– Ну вот, получилось, – сказал я, закинув арбалет за спину и достав нож.

Теперь самое сложное. Я у своего-то кота не решался что-то из миски взять, а тут мне предстояло отхватить кусок от добычи. Тем временем взрослый кот, придавив мощными лапами тушу еще шевелящейся в конвульсиях гиены, с треском рванул плоть. От этого звука у меня по спине пробежали мурашки, но показывать свой страх мало того глупо, но что-то подсказывает – опасно. Решительным шагом я двинулся вперед, крепко сжав рукоять ножа, соскочил с гати на сушу и приблизился к трофею.

– Так, мне много не надо, пусти! – сказал, косясь на погружающиеся в плоть огромные, с палец, клыки. – Подожди, говорю!

Кот поднял морду и облизал усищи, немного наклонив голову набок. Ощущения опасности не было, только мозгами я понимал – безумие какое-то, но назвался груздем, так тебе и надо! И да поможет мне Большая луна. Под пристальным взглядом контролеров, я вспорол шкуру у задней лапы, помогая ножом, добрался до мяса и небрежно отхватил пару кусков. Завернул добычу в тряпку и убрал в торбу, что висела за спиной. Потом отделил еще кусок и бросил его молодому коту.

– Приятного аппетита, – сказал я и, прыгнув на гати, пошел к лодке.

Успел подсмотреть – молодой не притронулся к куску, что я ему бросил, а пластаясь по траве, подкрался и стал рвать тушу гиены с другого бока, косясь на старшего и при этом стараясь оторвать кусок побольше.

Легкая лодка скользит по глади Чистого озера. Я уже давно наловчился, как те индейцы, погружать весло в воду то с одной стороны борта, то с другой. Уверенно плыву к заимке, успевая при этом рассматривать окрестные красоты в утренней тиши. Дикие и не такие обжитые окраины княжества поражали красотой природы. Непуганое зверье и птицы, высокий лес по берегу, протоки и надоедливая осенняя мошкара – романтика, блин!

– Никитин! – Дарина стояла на мостках, приподнявшись на носки и чуть подавшись вперед, что подчеркивало ее фигуру. Она помахала рукой, дождалась, пока лодка ткнется в столбики мостков, поймала брошенную мной веревку, подтянула лодку ближе.

– И давно ты здесь? – я шагнул на мостки и обнял свою амазонку.

– Как ты уплыл, так и жду, одного больше не пушу к этим твоим котам! – ультимативно заявила она. – Боюсь за тебя.

– Я сам за себя знаю, как боюсь, – подмигнул я ей, пропустив ее заявление мимо ушей. – Идем, коты помогли мне с охотой, загнали гиену, так что на обед мясо.

– Здорово! – оживилась она, а потом спросила: – Не страшно тебе с ними?

– Страшно здесь, – постукал пальцем себе по виску, – а так не чувствую я угрозы от них.

С молодой и красивой амазонкой время летит, скажу я вам, но в Трехречье нет пенсионной системы, супермаркетов и окладов, как говорил мой приятель, «за жопочасы в офисе». Прежде чем пройти по протоке вверх до ближайшего многодворца и купить необходимых припасов, нужно озаботиться наличием ноготков, то есть местной валюты. Вот и собрались мы с Дариной проводить Вараса, да по пути Чернаву. Я увязал несколько арбалетов, что собирал из изготовленных ранее частей и материалов – вот и зарплата. Ранним утром осеннего дня отправились: я на корме, наярываю веслом, а Дарина, завернувшись в мой кафтан, сидит на носу лодки и, улыбаясь, смотрит на меня, соблазняя ямочками на щеках.

– Чего? – спросил я ее, проверив, все ли у меня в порядке с одеждой.

– Что-то вспомнила, как ты нагим лежал у тетушки... хилый, глаза вот такие со страху, что-то говоришь на своем непонятном языке, – звонко рассмеялась она.

– Еще бы, вообще удивляюсь, как умом не тронулся от тех событий. Подожди, а кто это хилый?

– Это ты тетушку благодари, настои ее стати тебе прибавили...

– Это молот твоего батюшки стати прибавил! Помаши-ка им! Отвары, – хмыкнул я.

Так, уже, наверное, в тысячный раз вспоминая обстоятельства моего появления в этом мире, мы добрались до берега, где в тени леса укрылся дом Чернавы.

– Хм, лодки нет, – Дарина осмотрелась по сторонам.

– Может, по протоке или к Варасу уплыла?

– Тогда к батюшке, – ответила Дарина, еще раз огляделась, подняла ворот кафтана и, ежась от прохладного тумана, что начал стелиться по озеру, поудобнее уселась.

Спустя час были у дома Вараса. У мостков, кроме лодки Чернавы, стукались бортами еще две лодки.

– Из Городища, за заказом приплыли, – отметил я лежащие в них небольшие круглые щиты дружинников.

– Похоже, – подала мне руку Дарина, и я помог ей выбраться на мостки, потом перебросил вязанку с арбалетами, и мы пошли по тропе к дому.

– Все нормально? – спросил я после того, как вошел и поклонился Большой луне.

Чернава сидела у входа, держа в руках небольшой узелок, Варас разговаривал со старшиной дружинников, а семеро дюжих молодцов ютились на двух лавках у стены, скучали и разглядывали кто пол, кто потолок, а кто не без интереса пялился на Чернаву, отчего та испытывала неловкость, не зря она людей сторонится. Женщина красивая, вызывает интерес у мужиков еще какой, татуировки только эти... они, впрочем, и отпугивают, хоть нанесены аккуратно и даже с некой претензией на местный боди-арт, но все в княжестве знают их значение.

– От воеводы, заказ забрать, – Варас кивнул мне и показал рукой, проходите, мол, – да вот задержались, старшина новости рассказывает.

– Да рассказал уже, – старшина поднялся и, приложив руку к груди, чуть поклонился, поздоровавшись со мной и Дариной, затем показал рукой на арбалеты: – Смотрю еще что-то готово.

– Да, эти готовы, еще на четыре не хватило тетивы, – ответил я, – в Городище выберусь, доделаю.

– Это потом, – отмахнулся Варас, – ну, раз Никитин еще и арб... ара... да чтоб их! Заказ, в общем, выполнен.

– Хорошо, – старшина кивнул одному из дружинников, тот подошел и принял от меня новое оружие, – тогда мы обратно, дотемна успеть бы в Городище, да хранит Большая луна твое ремесло, Варас.

Мы вчетвером проводили взглядом из окна дружинников, дождались, пока они отплывут и направятся к протоке, после чего Варас прервал молчание:

– С земель Желтого озера вести.

- Надо полагать, плохие? – уточнил я и присел за стол.
- А поди, разбери их, – вздохнул Варас, – через пустыню люди пришли в те земли, крепость ставят на холме у торгового каменка.
- Подожди, Чернава мне рассказывала, что через те пустыни не пройти, мертвые земли.
- Так и было до сей поры, – тихо сказала Чернава, – ладно, поплыву и я, надо к Ласу на заимку, сын его приплывал, занемог из деток кто-то, с жаром мается.
- В ночь не возвращайся, – сказал ей Варас, – там заночуй.
- Так и сделаю.
- Рассказывай, что там за новости, – попросил я Вараса, когда мы попрощались с Чернавой.
- Ну, новости, значит, такие, Никитин...

Глава третья

Земли Желтого озера

Внутри дома наместника на территории строящейся крепости было просторно и светло, пахло лаком и свежеструганным деревом. Корен покорно ждал в полукруглом зале, куда его провели иноземные воины и из которого была только одна дверь – в покои наместника. Оценивающе рассматривал иноземцев, вырывая из памяти, затянутой годами праздности и роскоши, скудные воспоминания о средневековье, точнее о фильмах, картинки из которых выплывали из закоулков сознания. Очень уж похожи были эти иноземцы на средневековых рыцарей, в остальном люди как люди, только вот эти их глаза с белыми зрачками в центре абсолютно черных глазных яблок... Ждать пришлось долго. Скучая, Корен сначала разглядывал идеально отциклеванные и покрытые лаком доски пола, потом изучал два то ли вымпела, то ли флага на стене, рядом с которыми неподвижно уже час стоят два иноземных воина в блестящих металлом доспехах, вооруженные короткими двухсторонними боевыми топорами. Мужики суровые, смотрят прямо перед собой, не шевелясь, стоят уж битый час. Порядком отсидев филейную часть, Корен встал и начал прохаживаться вдоль стены, сопровождаемый взглядами двух воинов. Но вот дверь в покои распахнулась, из нее вышли трое в богатых одеждах, похоже шелковых, пренебрежительно окинули взглядом Корена и, переговариваясь, пошли дальше.

– Ты Корен? – в дверях, словно монумент, возник немолодой мужчина: коротко стриженные седые волосы, выделяющиеся скулы, высокий лоб и те же жуткие глаза – черные с белым зрачком. Мужчина был высок и статен, отлично развит физически. Возможно, он был моложе Корена на несколько лет, но оказавшийся не у дел Хранитель по сравнению с наместником просто обрюзглый мешок. – Я наместник Стак.

– Очень приятно, – Корен был готов пасть ниц, переступив через свою гордость и прошлое положение, – да, это я, у меня к вам очень важный разговор.

– Ты так считаешь?

– Я надеюсь... нет, я хочу быть полезным той могучей силе, которую вы представляете.

– Хм, ну входи, – наместник Стак отступил в глубину покоев.

Внутреннее убранство поразило Корена своей простотой – дальний угол отделяли две ширмы, в середине просторной комнаты большой стол с дюжиной стульев по периметру, одна из стен увешана оружием и доспехами, на противоположной что-то скрыто атласными шторами от высокого потолка до пола. По обе стороны двери стояли двое охранников в кольчугах и с короткими мечами на перевязи. Наместник сел на один из стульев около стола, оставив Корена стоять меж двух охранников, и еще раз пристально осмотрел его.

– Говори.

– Наместник Стак, я так понимаю, что вы и ваше воинство пришло в наши земли с целью... эм...

– Колонизации, – безучастно кивнул наместник.

Корен знал истинное значение этого слова, но в Трехречье оно было неизвестным.

– Простите, наместник, но я не могу понять этого слова... – низко поклонился Корен.

– С этих земель императорская армия начнет освоение этих диких территорий и присоединит их к империи.

– Империи? – неподдельно удивился Корен.

– Да-а, – протянул наместник, – даже с виду образованные и обладающие определенным авторитетом местные люди скудны знаниями...

– Это не совсем так, наместник, некоторое время назад землями княжества управляли Хранители, по мере сил мы...

– Мы?

– Простите, забыл сказать, что я один из представителей ордена Хранителей Трехречья...

– То есть не торговец? – наместник посмотрел на Корена, заставив того поежиться.

– Пришлось покинуть княжество и стать торговцем. Путем обмана и предательства власть в княжестве перешла к самозванцу, призвавшему себе в помощь...

– Колдуна? – перебив Корена, с иронией спросил наместник. – Я уже кое-что знаю о событиях прошлого года и о вашем варварском княжестве.

– Ему помогал человек из другого мира! – отважился зайти с козыря Корен. – Еще будучи Хранителем, я пытался отыскать чужака, собирал показания людей, свидетельства...

– Из какого другого мира? Из-за Темных болот?

– Вообще из другого!

– Ты так уверен в этом, торговец? Что-то я не пойму цели нашего разговора.

– Я могу помочь его найти, он обладает знаниями, вот! – Корен выставил на стол пару стреляных гильз, сделал он это опрометчиво резко, вследствие чего был отброшен за шиворот одним из охранников к двери.

Медленно поднявшись со стула, наместник взял одну из гильз, с минуту повертел ее в руках и спросил:

– И что это?

– Это оружие чужака, вернее часть его оружия, которое несет смерть на сотни шагов, а ваши доспехи для него не преграда.

– Что еще ты можешь рассказать о чужаке? – наместник жестом приказал Корену сесть на стул.

– Очень многое! Но судебные свитки, в которых есть свидетельства, остались в Городище, в архивах ордена.

– Расскажи все, что знаешь.

* * *

Возвращаясь от Вараса, мы с Дариной оба молчали, каждый о своем. Я сосредоточенно греб, оглядывая берег и присматриваясь к протокам, а Дарина, наклонившись к воде, чертила наконечником стрелы водную гладь.

– Скажи, Никитин, – наконец прервала она молчание, – из-за этих вестей с востока нам снова придется расстаться?

– С чего ты взяла?

– Как же, если чужеземцы придут в княжество, то будет война, прискачет всадник с приказом воеводы, и ты уедешь, – не отвлекаясь от воды, сказала она.

– И такое может быть... Хотя, не думаю, что война случится скоро, князь разместил на восточном тракте гарнизон, дружина там с новым оружием, да и роды в тех местах хорошо охраняют свои территории. Что касается земель по берегу Желтого озера, то рано или поздно подобное случилось бы.

– Что именно?

– Нашелся бы хозяин. Вот он и появился – войско чужеземцев, хорошо, что Большая луна отвела от кровопролития, просто пришел некто и назвал себя наместником. Ладно, поживем – увидим.

Еще не знал я тогда, насколько сильно все скоро изменится и насколько сильно изменюсь я...

О скором приходе зимы раньше всех узнают жители берега Чистого озера. В затонах, ближе к болотам, по утрам уже блестит тонкая корка льда, а на пожухлой траве у берега искрится иней, встречая яркое, но не греющее солнце. После разговора с Чернавой о ее сне прошло несколько недель, я продолжал жить размеренной жизнью на своей заимке, изготав-

ливая арбалеты и болты к ним, раз в неделю отвозил несколько штук к Варасу. Вот и сегодня, пообедав, решил отвезти следующую партию, оставив Дарину на хозяйстве – она уже второй день квасит овощи и коптит мясо – делаем запасы на зиму, а на днях сплавали вверх по протоке к ближайшему каменку и закупили всякого впрок. Ведь большинство протоков вот-вот скует лед, дороги опустеют, и княжество уйдет на зимовку.

Узкая, не более трех метров полоска воды вдоль берега еще позволяет передвигаться по озеру, протоки несут теплую воду, что не позволяет схватиться льду. Но в тех местах, где расстояние меж устьями протоков по берегу значительно и небольшая глубина, ледок все же появился. Я переложил на нос лодки две корзины с болтами и вязанку арбалетов, так вроде получше ломается еще не крепкий лед и несильно тормозится лодка.

Человека в траве у берега я заметил, когда до дома Вараса оставалось не более часа пути, поднял весло и, поправив перевязь, осмотрелся – никого, только это тело. Лодка по инерции еще немного проплыла, потом, толкаемая слабым течением из протоки, тихо стукнулась левым бортом о кромку льда и, слабо раскачиваясь, остановилась.

– Эй! – громко сказал я, продолжая внимательно осматривать сбросивший листву кустарник на берегу. – Ты живой?

В ответ человек чуть шевельнулся, промычав что-то нечленораздельное. Одной рукой он держался за ветку кустарника у самого корня, попытался подтянуться и выбраться из воды... Ветка хрустнула, человек застонал, погрузился в воду по шею и безвольно сник.

– Вот же бл... – выдал я матерную тираду.

За несколько взмахов весла я приблизился и, ухватив его за ремни кожаного доспеха, затащил раненого дружинника в лодку. Слипшиеся от запекшейся крови волосы прилипли к глубокому рассечению на лбу, на груди в двух местах пробит доспех. Мужик здоровый, еле вытянул его и чуть не перевернул лодку.

– Эй, – похлопал я его по щекам, – очнись, что случилось?

– Я не спал... я слышал...

– Что слышал? Кого?

– Я не видел, их никто не видел...

Дружинник явно бредил, его веки подрагивали, он тяжело дышал, и с каждым вздохом из пробитого доспеха надувались бурые кровавые пузыри. Еще один вздох, последний – у дружинника остекленели открытые глаза, и его лицо замерло, как посмертная маска.

– Что за хрень! – я выпрямился, ухватился за весло и стал быстро грести.

Сделав несколько гребков и заставив лодку быстро скользить по воде, я присел на колени и закрыл глаза покойнику.

Что он не видел и что слышал, я так и не понял. Похоже, из дружины объездчиков, что патрулируют перекрестки торговых трактов. Ладно, доберусь до Вараса, отправим Даука, что в подмастерьях у кузнеца, протокой вверх до ближайшего каменка.

Вероятно, если бы кто-то засекал время, то мне бы заочно присудили чемпионский титул по гребле. Проплывая мимо дома Чернавы, обратил внимание, что лодки у мостков нет, да и дым из трубы не идет, должно быть, еще на заимке, внука Ласа от хвори лечит. Через полчаса, когда я уже видел черепичную крышу каменного дома Вараса, из кустов на берегу, как черт из табакерки, выскочил Даук...

– Никитин! – почему-то понизив голос, прошипел он. – Не надо! Не плыви!

– Даук? – я погрузил весло в воду, уперев его в илистое дно.

– Там... там... – крепкого сложения парень был перепуган не на шутку.

– Да что ж такое сегодня! Что случилось?

– Всадники... в железных доспехах, они убили Вараса!

– Что? – у меня внутри все замерло, комок подступил к горлу и засвербело в носу.

– Они еще на заре приехали, – Даук подтягивал брошенную мной веревку, – с ними был Хранитель!

– Что ты несешь! Какой Хранитель?

– Я не знаю, Никитин, десять всадников и с ними Хранитель, я же насмотрелся на них в Городище, это точно один из них!

– Что за всадники? – спросил я, развязывая веревку, которой были стянуты арбалеты.

– Они в железных доспехах, даже на их лошадях доспехи! Один снял шлем, когда разговаривал с Варасом... его глаза, он как сама смерть!

– Успокойся, – я влепил затрещину Дауку, – перестань трястись и по порядку излагай!

– Утром, – Даук сел на берегу, обнял колени и, раскачиваясь, начал говорить, – я проснулся и пошел в сарай, ну, угля наносить в кузню. Мастер Варас отругал меня, что гребу все подряд, и наказал отбирать крупные куски, ну, я снова в сарай, куски, значит, выбираю, слышу, к воротам подъехал кто-то, Варас с ними разговаривал о чем-то, а потом крик, Варас за меч...

– Ну!

– Тот, что шлем снял, хватил своим длинным мечом так, что Варас еле сдюжил, испугался я, Никитин, не будет мне прощения...

– Дальше! – схватил я Даука за ворот.

– Варас упал, а тот его пикой, в живот... И Хранитель этот сразу к Варасу, стал трясти его, что-то спрашивать, я не слышал, что. А Варас как вцепится Хранителю в горло руками и давай сжимать... ну и... тот, без шлема, с коня-то соскочил и рубанул. Потом они все спешили, в дом пошли, искали что-то, а я ползком к забору, потом в лес.

– Они еще там? – спросил я, сунув пучок болтов за пазуху кафтана.

– Я не знаю.

– Слушай меня и перестань уже трястись!

В ответ Даук быстро закивал.

– Ты сейчас пойдешь так же, как уходил, и посмотришь, что происходит на заимке Вараса, понял?

– Понял, – продолжал кивать тот.

– Все внимательно посмотришь, сколько их, что делают, и возвращайся.

– Да, понял.

– Все, иди, живо!

Пока отсутствовал Даук, я взвел тетивы девяти арбалетов, уложил болты в желоба и аккуратно разложил оружие вдоль борта, внутри меня все клокотало от злости, но я, присев на дно лодки, достал трубку, закурил и попытался успокоиться и переварить поток информации и событий, вылитый на меня с утра. Похоже, тот сон Чернавы был в руку... Успел выкурить трубку, но Даук так и не вернулся. Я подождал еще немного, оттолкнулся веслом от берега и медленно начал грести, стараясь не шуметь...

Глава четвертая

Я немало удивился, увидев на мостках облаченного в блестящие доспехи самого настоящего рыцаря. Его фигура возвышалась над водой. Наручи и шлем, напоминающий ведро для льда, были из металла более темного цвета, чем остальной доспех. Рыцарь стоял неподвижно, уперев длинное деревянное топорщице в доски мостков и глядя в сторону болот. Я повернулся в направлении его интереса и увидел, что меж закованных тонким льдом болотных кочек и сухого камыша возятся три щенка гиены. Должно быть, и мамаша где-то рядом... Оценил расстояние от полыньи до небольшого островка с одиноким деревцом, за которым поверхность озера была покрыта тонкой коркой льда до самой границы болот. Можно не волноваться, не сунется гиена на лед.

Расстояние до мостков метров пятнадцать, дом и двор Вараса не видно, мешает кустарник и высокая сухая трава вдоль берега. Боясь быть замеченным раньше времени, я медленно опустил весло в воду, нащупал дно и придавил борт лодки к берегу. В ушах начало шуметь, во рту пересохло, чувство опасности паническим жаром металось по всему телу. Взгляд проскользнул по уже окоченевшему дружиннику, зацепившись за боевой нож на его поясе – то, что нужно. Погрузив широкий клинок в глинистую землю у берега, я привязал к его рукояти веревку и осторожно переполез в траву, поправив топорик за поясом на спине и придерживая ножны. Сел на колени и, медленно выпрямившись, посмотрел поверх травы... Ворота были закрыты, рядом с ними, внутри двора, стоял еще один такой же воин в доспехах, еще двое были у дверей дома, но у тех шлемы попроще, какие-то кожаные, скрывающие половину лица. А еще кольчуга по колени и кирасы из металла темного цвета. Из оружия у них были короткие мечи, а за спиной колчаны с луками и стрелами. К жердям загородки птичника привязаны поводья пяти лошадей, головы и грудь которых были защищены пластинчатой броней. Лошадей пять, вижу четверых людей... Даук говорил, что их десять, еще этот Хранитель... уехали? И куда он сам провалился? Ответ не заставил себя ждать – из дома вышел рослый детина, тоже в доспехах, со шлемом под мышкой, держащий в руках подорожный лоскут. Он еще несколько секунд повертел в руках местный заменитель карты и поднял глаза на того, что стоял на мостках...

– Твою мать! – аж присел я.

Глаза его действительно, мягко говоря, были странными, метров с двадцати казалось, что их вообще нет, лишь черные дыры. И что это за тевтонские мутанты?

– Поедем вверх по протоке, – крикнул детина с каким-то странным акцентом, – надо торопиться, а то опять какой патруль дикарей проезжать будет.

Тот, что стоял на мостках, молча кивнул, развернулся и пошел к лошадям.

– А вот хрен вы угадали, – прошептал я и быстро пополз к лодке.

Выдернув импровизированный кнехт из берега, бросил его на дно лодки, с силой оттолкнулся, сделал два мощных гребка веслом, откинул его и, встав на колени, схватил арбалет. Лодка медленно плыла к мосткам, а я выцелил первого лучника, идущего к лошадям, и выстрелил. Не глядя на результат, отбросил арбалет и схватил следующий... Меня уже заметили, а мой выстрел оказался в молоко.

– Стреляйте в дикаря! – крикнул детина и, надев шлем, потянул из ножен длинный меч.

Получив в грудь тяжелый болт, который без труда пробил кирасу, один из лучников повалился на землю, это явно озадачило «тевтонцев», за счет чего я выиграл еще несколько секунд, схватил следующий арбалет, выстрел, второй лучник упал, а тот, что с топором, уже спешил обратно к мосткам. Выстрелил в него, болт, чиркнув по касательной о кирасу, отлетел.

– Андо, убей же его! – крикнул детина и тоже побежал к мосткам, хотя бегом это назвать сложно – очень быстрый и неуклюжий шаг, тяжелый, видать, доспехи.

– Эй... Эй! Я здесь, – вдруг со стороны леса начал кричать запропастившийся Даук, отвлекая убийц Вараса от меня.

Мысленно поблагодарив недотепу Даука, подарившего мне еще несколько ценных секунд, я почти в упор выстрелил в того, что уже ступил на мостки. Гулко стукнув по броне и легко пробив ее, болт ушел в плоть на две трети в районе селезенки, а «тевтонец» замер, сделал еще несколько шагов и рухнул в воду. Детина же, доковыляв до лошади, сдернул закрепленное на седле короткое копьё и весьма ловко и сильно метнул его в подпрыгивающего Даука. Копьё пробило тело подмастерья насквозь. Лодка ткнулась в мостки, я заскочил на них с диким ревом и, обнажив меч, побежал на того, что был у ворот.

С разбегу рухнув на колени, я подкатился под пролетающий над моей головой двухсторонний боевой топор, ощутив лицом поток воздуха, разгоняемый двумя широкими лезвиями, вскочил на ноги и мощным лоу-киком зарядил под колени противнику, при этом сильно отбив о края наколенника голень. «Тевтонец» грохнулся, но топора из рук не выпустил, сразу опасно махнув им в мою сторону. В глаза бросилась яркая деталь одежды под латной юбкой, куда я с излишней силой вонзил острие меча. Противник, заорав, ухватился перчатками за меч. Я дернул меч на себя – черта с два! Вцепился, как клещ, и орет, а детина уже в двух шагах и занес для удара свой длинный меч. Отпустив рукоять, я кувыркнулся через заколотого «тевтонца» и что было духу понесся к лодке, запрыгнув в которую развернулся уже с арбалетом в руках в ожидании противника. Этим своим «сто первым приемом каратэ» я, похоже, слегка обескуражил детину, который, не дойдя до мостков три метра, остановился и раздраженно рывкнул:

– Дерись как мужчина, дикарь!

– Да пошел ты! – ответил я и, целясь детине в живот, спустил тетиву, после чего оттолкнулся от мостков, быстро догреб до берега и побежал к своему мечу. Теперь достать его не составило труда, «тевтонец» уже отходил к праотцам, или кто там у этих уродов...

– Ты трус! – шипя, выдавил из себя детина.

– Да ладно, – окинув взглядом всех выбывших из гонки, ответил я, – а вы, суки, что же, благородные рыцари, значит?

Детина снял шлем и швырнул им в меня. Его лицо было перекошено гримасой боли. Я наконец смог его разглядеть и весьма не толерантно заметил:

– Ну, ты и урод!

В следующую секунду детина сделал опасный выпад, нанеся удар из нижней полусферы слева, и припал на колено. Я отскочил и тут же что есть силы ударил ему по наручам, почувствовав через рукоять, как клинок разрубил металл и плоть под ним.

Детина взвыл диким зверем, рухнул на колени и схватился за культю, а я прямым ударом ноги свалил его на землю, присел рядом и провернул торчащий из кирасы болт.

– Зачем вы здесь? Откуда вы?

– А-а-а-а! Будь ты проклят, дикарь! – проревел детина и попытался перекатиться, но я с размаху опустил кулак на его нос.

Детина плевался кровью, ревел, пытался сопротивляться, но с каждой секундой слабел и бледнел.

– Куда поехали остальные? – схватил я его за длинные рыжие волосы и встряхнул хорошенько.

– Будь проклят... – только и ответил тот, прежде чем его глаза замерли негативом белков и зрачков.

– Что, отмазался, урод? – плюнул я ему на доспех.

Да уж, трехгранные наконечники арбалетных болтов отлично пускают кровь, что дикому зверю, что человеку. Я поднял тяжелый двуручный меч детины, перевернул того на живот и хватил им по шее. То же самое сделал и с остальными непрошеными гостями и убийцами Вараса. Потом стоял некоторое время посреди двора, тяжело дыша и прислушиваясь к себе и к

тому, что происходит вокруг. Что касается меня, то злоба и ярость все еще клокотали внутри, но шум в ушах успокоился, ощущения опасности уже не было. А вокруг что лес, что озеро были спокойны, как всегда, только лишь поднялся холодный ветерок и погнал рябь по полынье, а верхушки деревьев в лесу плавно раскачивались, шелестя остатками сухой листвы.

– Что ж это за уроды такие? – сказал я вслух и не узнал свой голос – словно песка полный рот, жутко захотелось пить. Покосившись на лошадей в броне, будто они тоже представляют угрозу, прошел в дом и выпил почти полный кувшин сока белого дерева. После чего с большим трудом затащил тело Вараса в сарай с углем и дровами, туда же поместил тела дружинника и Даука, простодушного доброго парня из посада Городища, которого мы с Тарином когда-то выкупили с каторги. Да, он не был воином: сначала в подмастерьях у отца, затем учеником у Вараса... но умер в бою, пусть и без оружия в руках. Несколько минут я молча сидел рядом с телом Вараса, держа его за огромную, мозолистую и теперь холодную ладонь, в голове роились мысли... как сказать Дарине про отца? Где Чернава? Что вообще происходит, и что теперь делать, и куда делись остальные уроды с этим непонятным Хранителем?

Я с усердием работал веслом, греб в сторону своей заимки, при этом то и дело оглядываясь на черный дым, поднимающийся к небу с низкими, уже зимними облаками. Тела обезглавленных уродов я скинул в озеро на корм рыбам, а четыре головы с неправильными глазами нанизал на колья забора у ворот. Если вдруг вернутся их друзья, пусть знают – их здесь не ждут и каждый из них теперь в моем личном черном списке.

Проплывая мимо дома Чернавы, я в очередной раз пожалел, что не знаю письменности этого мира, хоть записку бы местной клинописью оставил... Дарина пыталась мне как-то объяснить азы, но что-то не пошла впрок наука, а сейчас так вообще мозги набекрень, и колотит так, что нет-нет да клацну зубами на вздохе. Смерть Вараса стала большим потрясением, как будто от меня самого кусок оторвали. Прикрою глаза – стоит, улыбается, бороду ручищей своей скребет...

– Ты так быст... – хотела спросить Дарина, оторвавшись от шитья.

– Собирайся. И для похода, и для боя, – бухая сапогами, я прошел через большую комнату, попутно схватил стул, поставил его в угол и добрался до тайника в потолке.

– Ты в крови! – подскочила Дарина ко мне. – Ты ранен?

– Это не моя кровь, – я скинул на пол увесистый сверток, опустился на стул, приобнял Дарину за талию и усадил на колени. – Милая, крепись... твой отец...

– Что с ним? – вздрогнула она, сморгнула моментально навернувшуюся слезу и закрыла рот ладонью, тихо всхлипнув.

– Его убили... чужеземцы какие-то, я не знаю, кто это был, но свое они получили.

Дарина ткнулась лицом мне в шею, ее плечи подрагивали, она тихо плакала, а я крепко обнял ее, желая защитить от еще не известной мне угрозы. В одночасье рухнуло будущее, перечеркнутое событиями этого дня раз и навсегда, я это чувствовал. С полчасца мы сидели так, и я тихо, вполголоса, рассказал ей все, с того самого момента, как наткнулся на тело дружинника у протоки.

– У нас, возможно, очень мало времени, – погладил я Дарину по волосам, – надо собираться.

– Что надо делать? – подняла она голову и посмотрела мне в глаза.

– Собирайся, и для похода, и для боя.

– Хорошо, – ответила Дарина и принялась быстро ходить по комнате, кидая на нашу большую кровать то, что считала необходимым, в этом ей мои советы не нужны, нечему учить амазонку.

Через полчасца мы забрались в лодку, бросив на дно баулы, оружие и снаряжение.

– А это что? – Дарина кивнула на части доспехов чужеземцев и тряпичный сверток, с одной стороны пропитавшийся кровью.

– Доказательства.

– Я посмотрю? – Дарина села на нос лодки, положив на колени свой колчан с охотничьим луком и стрелами, из которого отлично умеет стрелять.

– Это голова одного из убийц Вараса.

Дарина решительно тряхнула свертком, и на дно лодки выпала голова с рыжей копной волос, с распахнутыми черными глазами и с белыми точками вместо зрачков.

– Ой... – только и сказала она, увидев эти глаза. – Демоны?

– Не думаю... просто люди издалека, очень издалека, и очень плохие люди.

– А это что, железная броня? – замотав снова голову в тряпку, Дарина подняла наручи.

– Не железная, сплав какой-то, мягкий, к слову, и тяжелый.

– Спл... с-п-л-а-в? – с трудом Дарина выговорила незнакомое слово.

– Да, металлическая, в общем, броня. Меч тоже очень тяжелый, – кивнул я на двуручник детины, что достался мне трофеем.

– Куда мы теперь? – Дарина выпрямила спину и осмотрелась кругом, задержав пустой взгляд на озере позади меня.

– Поплывем протокой на заимку к Ласу, надо найти Чернаву и предупредить князя о чужеземцах.

– Хорошо, – кивнула моя амазонка, аккуратно приставила к борту колчан, достала лук, пару стрел и, развернувшись, сделала вид, что смотрит вперед, а сама тихо оплакивала отца, роняя слезы в медленные, почти неподвижные воды протоки.

Глава пятая

По дороге к Городищу

До заимки Ласа добрались к вечеру, ничего подозрительного я не обнаружил.

Скот в загоне, детвора во дворе, женщины, обступив высокую ступу, толкут местный аналог кукурузы в муку. Лодки Чернавы у длинных мостков вдоль протоки не было.

– Никитин, Дарина! – выбежала из-за бани дочка Ласа, пышная девица лет пятнадцати. – Как давно вы к нам не приплывали!

– Здравствуй, Лидна, – с большим трудом улыбнулась Дарина и бросила ей веревку.

– Вот батюшка обрадуется!

– Как твой брат, Чернава помогла? – спросил я, сойдя на мостки.

– Да он, глупый, желтых ягод наелся, Чернава напоила его отваром да уплыла.

– Куда?

– Не знаю, – пожала плечами девчушка, – домой, наверное.

– Ну, веди к батюшке...

За столом в просторной горнице сидели я, Дарина и Лас. Я уже рассказал все, что случилось, а также то, что Чернавы дома нет. На щеках Ласа играли желваки, отчего и без того его широкое лицо, обрамленное густой бородой, словно жило своей жизнью.

– Чудно... Вниз по протоке она поплыла, домой, стало быть, – пожал плечами Лас.

– Нет ее дома, – помотал я головой.

– Чудно... Ну что ж, пойдем, покажешь.

Забравшись в лодку, Лас перебрал все трофеи, отшатнувшись, бранно выругался, увидев глаза чужеземца, и, выйдя на мостки, сказал:

– Надо князя предупредить.

– А ты сам не слышал, не видел ничего чудного? Ведь тут недалеко перекресток трактов...

– Нет, Никитин, ничего, патруль дружинников третьего дня заезжал, набрали фляги воды да мяса вяленого купили, ничего не рассказывали такого и об опасности не предупреждали...

– Тогда поплыву. Чувствую, неспроста это все, да уж больно спокойно они себя вели, загубив Вараса.

– Пусть примет его Большая луна да предки рода его, – кивнул Лас и, прикрыв глаза, несколько секунд безмолвно шевелил губами.

– «Поплыву»? – нахмурившись, уточнила Дарина, когда Лас закончил свою молитву.

– Осталась бы ты здесь, пока я в Городище сплаваю, – приобнял я Дарину за талию.

– Чего это? – оттолкнула она меня плечом и впилась возмущенным взглядом.

– Не знаю, мало ли чего в пути, – пожал я плечами.

– То-то и оно! С тобой поплыву!

Спорить не стал – бесполезно, и отчего-то в памяти всплыло слово «подкаблучник»...

Род у Ласа большой для простого крестьянина, по местным-то меркам Трехречья. Несколько семей, ватага ребятишек, гомоня, носится по заимке, женщины все по хозяйству, да мужики при деле. Я видел, как Лас, после того как мы с Дариной отправились протокой к Городищу, озабоченный новостями, что-то объясняет трем рослым парням, сыну и двум племянникам, все при оружии – наверняка на ночь отправит караулить заимку.

Засветло в Городище не успевали, поэтому решили заночевать прямо в лодке у нескольких мостков притулившегося в излучине широкой протоки многодворца. Люди уже спали, только в паре вросших в землю домишек был виден тусклый свет лампад, да со стороны постоялого двора, что недалеко от мостков, доносился шум пьяной компании. У мостков несколько лодок, в одной из них, похоже, кто-то тоже ночует, укрывшись теплым кафтаном. Прижавшись

и уткнувшись лицом мне в шею, Дарина постоянно тяжело вздыхала, я чувствовал, как она, моргая, щекочет мне щеку своими длинными, намокшими от слез ресницами – не спит.

Почувствовал... то самое ощущение опасности и тут же открыл глаза. Большая луна то и дело скрывается за большими тяжелыми тучами, медленно плывущими на юг, тихо, еле слышно журчит протока, ночная хищная птица несколько раз громко вскрикнула в стороне рощи, что начиналась на окраине многодворца. Дарина так и уснула, прижавшись ко мне, лишь носик торчит из-под ворота кафтана. Я нащупал у борта ножны меча и медленно, стараясь не разбудить Дарину, сел в лодке. Не менее двух сотен силуэтов всадников и пару фургонов разглядел отлично, метров пятьдесят до них, едут по тракту, приближаются к мосту через протоку. Головы и грудь лошадей в броне, доспехи всадников я уже не мог не узнать. Едут, будто и не ночь вовсе...

Принцесса Скади, единственная дочь императрицы

С самого детства Скади воспитывалась как будущая владицица империи Каменных башен. Пусть отец-император рано оставил свое дитя, стигнув в темных и полных тайн предков подземельях Потерянного города, кроме императрицы-матери ее воспитывал добрый десяток всевозможных леди-наставниц, нянек, прачек и даже садовник, посвящавший ее в тайны цветов и растений. Тяжелый недуг приковал мать к постели, когда Скади исполнилось шестнадцать.

Императрица еще до болезни снаряжала несколько экспедиций в разные стороны от границ империи, в том числе и морских. Прошли годы, но не вернулись корабли, затерялись в пустыне, болотах и высоких горах несколько тысяч воинов экспедиционных полков. И лишь весной от единственного оставшегося экспедиционного полка пришли добрые вести с востока. На расстоянии в несколько месяцев пути через пустыню есть некое княжество, населенное дикими людьми, пусть и организованное в странные роды и возглавляемое новым молодым князем. Получив эту весть, императрица вскоре скончалась, но перед этим предсмертной волей наказала своей дочери приложить все усилия, чтобы расширить владения империи.

– Ты должна использовать все свое обаяние, красоту и ум, чтобы князь дикарей отдал свое княжество в твои руки, – императрица тяжело дышала, распухшая шея сжимала горло, что не давало говорить и дышать, не прилагая усилий.

– А если он не захочет? – Скади сидела на кровати рядом с матерью и держала ту за руку.

В изголовье стоял высокий Тихней, верховный министр и глава собрания ученых, а также по совместительству постельничий матери-императрицы... вот уже несколько лет как. Он со страдальческим лицом смотрел на измученную болезнью женщину и кивал на каждую ее фразу, при этом то и дело, искренне переживая, смахивал слезы.

– Лучше, чтобы захотел. Наши воины самые сильные и бесстрашные, но зачем проливать кровь и настраивать против себя этих дикарей, приложи все свои знания, ум и... – императрица зашлась кровавым кашлем, отстранив от себя дочь, кое-как выдавив: – Не смотри!

Но Скади не могла не смотреть на мать, которая была еще так молода, которая еще не всему ее научила, тоска и горе разрывали сердце девушки. Но она подчинилась, и пока мать не избавилась от кашля, разрывающего ее изнутри, Скади стояла, отвернувшись от изголовья кровати.

– Вот, – императрица достала из прикроватной тумбы, украшенной искусной резьбой с золотым покрытием и цепочкой драгоценных камней по углам, свиток, опечатанный императорской печатью, а также шкатулку из кости монстра подземелий, – здесь моя предсмертная воля и императорская печать.

– Матушка, – Скади кинулась к матери.

– Будь достойна памяти своих предков! Зачитай это завтра на совете и прими печать власти...

Вспоминая последние минуты жизни матери, Скади сидела в большом фургоне, который тянули четыре пары лошадей, сопровождаемом отрядом всадников численностью в двести пик. Вокруг ночь, чужие земли, в которые пришлось добираться почти два месяца и пересекать пустыню. На сиденье напротив, больше походившем на диван, старая леди-наставница, скучая, листала толстую книгу и вздыхала, а Скади, отодвинув шторку застекленного окна с резной золоченой рамой, смотрела на пересекающие дорогу протоки. Рощи, луга и огромные территории заболоченных мест проплывали перед ее взором. Скади нравилось, что она видит: несмотря на то что передвигался фургон исключительно ночью, боги наградили народ империи даром – видеть ночью лучше, чем днем. Правда, есть у этого дара и обратная сторона, приходится вести образ жизни преимущественно ночной, так как яркое солнце сильно слепит, да и длительное нахождение на солнце вызывает болезни кожи, почти неизлечимые.

– Скучный роман, – леди-наставница, вздохнув, отложила книгу, – а за окном что?

– Прежде чем стемнело, было очень много лесов в этих землях, – ответила Скади, – иногда я жалею, что мать-императрица оградила меня от приема Снадобья сумерек.

– Только мужчины-воины делают это.

– А матушка?

– Она тоже была воительницей, пока не встретила императора...

– Да, ты мне уже много раз это рассказывала, – вздохнула Скади.

– Наместник Стак предупреждал, что здесь может быть опасно.

– Разве есть чего опасаться с таким сопровождением? Да и воевода князя обещал выслать людей и встретить у крепости.

– У форта.

– Что?

– Они называют это фортом. Наместник Стак говорил, что это очень укрепленное в военном плане сооружение, и что странно, у этих дикарей там самые современные и обученные воины, снабженные оружием, о котором, кстати, поручено узнать нашим шпионам из местных наемников.

– Я не собираюсь с ними воевать, а князь, как мне рассказывали, не такой уж и дикарь.

– Мы все заложники обстоятельств... так что не стоит исключать войны. И не забывай, все же это дикие земли, и здесь живут дикари.

* * *

– Что случилось? – тихо спросила Дарина, взяв меня за руку.

– «Тевтонцы»... их очень много, – прошептал я, глядя, как колонна проезжает мост. Вот пара всадников отъехала в сторону, наблюдают за многодворцем.

– Кто?

– Иноземцы, говорю... Сотни две, едут на юг.

– Война?

– Не знаю, но поехали по дороге, что ведет к форту, – ответил я и внимательно осмотрел тех двоих у моста.

Один из «тевтонцев» повернул голову в нашу сторону, а я явно чувствовал его взгляд на себе. Решил лечь в лодку, чтобы не привлекать внимания, но непонятно – они что, тоже видят ночью? Вопрос... Появилось идиотское желание поднять руку и показать им средний палец, но передумал и решил не экспериментировать и не проверять свои догадки. Наверняка еще представится возможность.

Посмотрев еще раз вслед удаляющейся в ночь кавалькаде, я снова лег, обнял Дарину и закрыл глаза. Нужно выспаться, завтра долгий путь.

Мы скромно завтракали рано утром на постоялом дворе в компании странного соседа, того, что ночевал в лодке у мостков напротив. С виду наемник, но возрастом староват для этой профессии. Длинные редкие волосы, собранные на затылке в худую седую косу, высокий лоб и глубоко посаженные глаза, аккуратные борода и усы. Пара серьезных давних шрамов на лице выглядела ужасно, наверное оттого, что лекарь либо спешил, либо руки росли не из того места, уж очень небрежно были наложены швы. Потертый стеганный кафтан перехвачен поясом с коротким мечом хартской ковки в ножнах, да топорик за спиной. Еще я обратил внимание на шест, что незнакомец приставил к стене – сантиметра четыре в диаметре, дерево почернело от времени, а по всей длине окован плоскими железными кольцами с расстоянием сантиметров в пятнадцать.

Кроме нас троих в харчевне никого. Как ни старался я незаметно разглядеть соседа, но все же пару раз встретился с ним взглядом и бросил это неприличное занятие, еще подумает чего. Дарина завтракала без аппетита, ковыряла ложкой уже остывшую похлебку да то и дело вздыхала.

– Поешь, – уговаривал я ее, но та лишь кивала, опять вздыхала и продолжала гонять ложкой чечевицу.

– Не хочу, Никитин.

– Надо, надо поесть, амазонка моя, вдруг придется меня подменить на весле или стрелять...

– Хорошо, – Дарина глубоко вздохнула и принялась есть.

Глава шестая

– По своей ли воле ты с этим мужчиной?

Я даже не заметил, как старик-наемник оказался рядом с нашим столом.

Дарина лишь кивнула, взяла меня за руку и подняла ее, продемонстрировав свой подарок на моем запястье.

– Значит, горе? – продолжал любопытствовать старый наемник.

– Горе, отец, – ответил я за Дарину.

– Я в Городище направляюсь, если по пути, то можем вместе плыть, сообщая-то дорога сподручнее, и возьму не дорого, – сказал старик и оперся на шест в ожидании.

Я оценил еще раз взглядом престарелого наемника и ответил:

– Мы не нуждаемся в наемниках.

– Да я по привычке спросил, – улыбнулся одними глазами старик, – скоро немощи во мне будет много, вот и решил пред тем, как повстречаюсь с предками, брата младшего провести, он в посаде скорняжничает. Так что можем вместе протокой к Городищу идти, еще пара глаз и рук в пути не лишние.

Спустя полчаса мы с Дариной уже плыли вверх по протоке, старик плыл следом, причем очень бодро работал веслом, держа свою лодку от нашей на дистанции в пару метров.

– А чем это смердит? – вдруг спросил он и повел носом, пытаясь уловить источник вони.

Голова «тевтонца», несмотря на прохладную, почти зимнюю погоду, действительно стала источать поганый запах.

– Может, выбросишь? – подняла на меня взгляд Дарина, до этого она отрешенно смотрела на воду.

Я помотал головой и сделал строгий взгляд, мол, тихо, молчи... Дарина пожала плечами и снова уставилась на воду.

До полудня плыли молча, я уже прилично устал и оглянулся на старика, а тот, глядя куда-то поверх наших голов, размеренно работал веслом и, судя по его виду, немощностью там вообще не пахло.

– Пора на привал, – громко сказал я и стал искать удобное место по заросшему камышом и кустарником берегу.

Впереди показался каменный мост. Присмотревшись, я увидел нескольких разъездных дружинников. Они стояли, облокотившись на перила моста, а три лошади, опустив головы к земле, пытались найти среди засохшей и пожелтевшей травы что-нибудь съедобное. Нас заметили, и один из дружинников поднес козырьком руку ко лбу, выпрямился, пытаясь рассмотреть нас, а когда мы приблизились, крикнул:

– Кто такие? Куда, откуда?

– С севера, в Городище, оружейник княжеской дружины, – крикнул я в ответ.

– Из торгового каменка, что в землях Желтого озера, – крикнул старик, – наемник, к брату плыву в Городище.

– Давайте к берегу, – жестом повелел дружинник.

Это место под мостом давно использовалось теми, кто решил встать на привал по пути в Городище. По кромке воды в речное дно было забито несколько бревен, к которым мы привязали лодки, а на самом берегу были выложены несколько каменных кострищ, да колья в землю вкопаны – чтоб навес какой соорудить можно было.

– Точно, Никитин-оружейник, – подошел к нам парень со смутно знакомой мне внешностью, – я помню тебя по форту.

– Мне тоже знакомо твое лицо, – ответил я, сойдя на берег и подавая руку Дарине, – кто старший из вас?

– Я разъездом командую, – гордо ответил тот, – воевода приказал встретить и проводить гостей иноземных к Городищу.

– Вот как... давай-ка отойдем, – предложил я и попросил Дарину: – Собери к обеду что-нибудь.

Прихватив увесистый сверток, я кивнул дружиннику на кусты, рядом с которыми стояли лошади. Старик тоже привязал свою лодку и стал копаться в худой торбе.

– Вот, – я извлек из свертка пояс, что снял с мертвого дружинника на озере, и протянул парню, – я нашел его чуть живым в озере, наверняка кто-то из ваших.

– Хм... верно, пропал у нас один разъезд к северу отсюда...

– А это, – я вытряхнул на землю голову и части доспехов, – я взял на заимке кузнеца Вараса, которого убили иноземцы.

– Ох, – парень отшатнулся, увидев голову, – ты что, посланца убил?

– Какого посланца? Эти, – пнул я голову, – пришли в наши земли и стали убивать.

Я вкратце рассказал дружиннику о найденном человеке в озере, о его последних словах, о бое на заимке Вараса... но чем больше я говорил, тем больше в глазах дружинника возникало подозрительности, и я уже засомневался в правильности своего решения.

– А где воевода? В форте? – спросил я, замотав трофеи обратно в тряпье.

– В форте, – ответил дружинник и, сделав шаг назад, вдруг тихо сказал: – Это же отступление! Указа послушаться...

– Да ты чего? – я тоже отодвинулся на несколько шагов и обратным хватом взялся за рукоять меча.

– Указ князя – не чинить препятствий иноземным гостям. Ты нарушил указ!

– Едут! – громко крикнул один из дружинников, остававшихся на мосту, указав рукой на дорогу, – иноземцы едут!

– Позже договорим, – бросил мне дружинник и, придерживая ножны, потрусил к мосту.

– Похоже, не понравились верховоду дружинников слова твои и содеянное тобой, – старик так и сидел на толстом пне, к которому привязал свою лодку, отщипывал от черствой лепешки, что достал из свой торбы, задумчиво и размеренно жевал.

Тот, что верховодил разъездом, подбежал к мосту и бросил пару фраз одному из дружинников, кивнув в нашу сторону, и тот поспешил к нам, прошел к лодкам и встал около берега.

– Привал отменяется, просто перекусим и плывем дальше, скоро будет роща, в ней и остановимся.

– Бежим? – догадался старик, спрашивая шепотом.

– Да, как-то все неправильно складывается, – покосился я на сурового вида дружинника, комплекцией не уступающего покойному Варасу.

Пришлось довольствоваться сухомыткой, то есть полакомиться вяленным мясом с лепешками и запить все соком белого дерева. Тщательно пережевывая пищу, я косился на то, как верховода сначала немного поговорил с кем-то в закрытом фургоне иноземцев, потом с минуту активно жестикулировал, вероятно объяснял дорогу.

Бросив на дно лодки сверток с трофеями и головой иноземца, я кивнул Дарине:

– Забирайся.

А сам, присев на корточки, стал отвязывать веревку от деревянного столбика.

– Не велено, – пробасил дружинник и наступил сапожищем на веревку.

– Чего это?

– Не велено, говорю... велено сторожить вас и не пускать.

Полной неожиданностью было то, что произошло в следующий момент – старик своим окованным шестом весьма резко ткнул дружинника по кожаному шлему.

– Давайте-ка поспешим, – как ни в чем не бывало, старый наемник побросал свои пожитки в лодку, спокойно перебрался в нее и оттолкнулся веслом от берега. Мы с Дариной

последовали его примеру. Прижимаясь к высокому сухому камышу, наши лодки проплыли под мостом, и мы сильнее налегли на весла. Я оглянулся на кавалькаду, что почти проехала по мосту, активно гребли еще минут пятнадцать, протока пару раз вильнула и повернула к большой роще, окруженной топкими местами, лишь с одной стороны деревья росли у самого берега протоки.

– Ловко ты его, отец... не убил хоть? – спросил я, когда мы затащили лодки за плотный кустарник в роще, а примятые камыш и траву на берегу впустили, пытаюсь скрыть следы. Вроде неплохо вышло.

– Живой. Поди, очухался уже, – ответил старик, внимательно осматривая рощу, – вот тут нам никто не помешает поесть по-людски... эх, завтра только застав по протоке понаставят.

– До завтра ждать не будем, поедим, отдохнем, и ночью поплывем.

– На корягу напороться или камень острый? Нет, лодку жалко.

– Доберемся за ночь до Городища, а за лодку не беспокойся, за нами поплывешь, я хорошо эти места знаю, – не стал я посвящать старого наемника в свои приобретенные посредством колдовства способности.

– Ну, раз знаешь, тогда ночью лучше, конечно, плыть.

Каша получилась наваристой, вкусной, на вяленом мясе и жире, которого в общий котел щедро бросил старый наемник. Ели молча, Дарина все никак не выходила из ступора, скорбя об отце, я то и дело прислушивался, переставая жевать, и старик, медленно работая широкой деревянной ложкой, смотрел сквозь кусты на протоку и дальше на луг, через который пролегала дорога до Городища.

– Как тебя звать, отец? – прервал я молчание.

– А зачем тебе? – продолжая смотреть сквозь кусты, вопросом на вопрос ответил старик.

– Эм...

– Имя свое, что по рождению, я уж и забыл, Кованым зови, – кивнул старик на свой шест, что лежал рядом с его торбой, – все так называют.

– Понятно, а меня Никитин все называют, это жена моя, Дарина.

Всем своим видом старик показывал, что не расположен ни к знакомству, ни к болтовне у костра, разведенного в выкопанной ямке и обложенного камнем. А я и не стал настаивать, расстелил одеяло и решил подремать перед ночной дорогой, придвинув к Дарине, расположившейся в лодке, арбалет со взведенной тетивой и уложенным в желоб болтом. Стрелять из арбалета она научилась быстро, но все же предпочитала свой лук, страшное оружие в ее руках, надо сказать.

Я пытался поспать до поры, пока не стемнело, но лишь пытался, урывая по полчаса чуткого сна, меж которыми подскакивал и всматривался сквозь траву и кустарник на луг, прислушивался к звукам, доносящимся из рощи. Старик, прислонившись спиной к лодке, тоже дремал и даже похрапывал, да и Дарина, хвала богам, наконец сомкнула заплаканные глаза и спит, зажав в ладонях отцовский амулет Большой луны.

Новолуние огромным серпом над головой, застилаемое облаками, кое-как освещало землю – казалось, от мерцанья звезд света и то больше. Открыв глаза, разбуженный вскриком дикого зверя в глубине рощи, я несколько минут смотрел в небо, затем наступающая ночная прохлада заставила меня шевелиться.

– Просыпайтесь, пора в путь, – негромко сказал я.

Дарина проснулась сразу же, а вот старика пришлось растолкать – уж очень крепко он заснул.

– Значит, хорошо места эти знаешь? – с недоверием интересовался Кованый, когда мы спустили лодки на воду и приготовились отплывать.

– Знаю, – кивнул я и взялся за весло.

Плывем не спеша, я смотрю вперед, гребу, а старик сзади, его лодка привязана к нашей, он все переживает, что мы можем ткнуться в корягу в темноте и попортить лодки, бубнит что-то себе под нос недовольно, но тоже, стараясь не плюхать, работает веслом. К окраинам посада мы выплыли уже глубокой ночью. Кое-где у мостков горели костры в корзинах из железных полос, и мы вполне спокойно причалили к широким мосткам у большого постоянного двора. Лодок кругом хватало, народ в корчме постоянного двора шумно веселился, а дружинник, что прохаживался вдоль протоки с пикой на плече, даже не обратил на нас внимания.

– Вроде туда, – Кованый, закинув торбу на плечо, кивнул в сторону улочки, теряющейся меж хаотично натканных домишек, лавок торговцев и лачуг бедноты.

– Как-то неуверенно, – заметил я, помогая Дарине выбраться из лодки и принимая наши баулы.

– Давно, очень давно я здесь не был.

Все глубже удаляясь в переулки в предрассветных сумерках, мы ушли от широкой протоки с множеством мостков, а спустя полчаса, когда небо озарил рассвет, свернули на выложенную камнем широкую улицу, которая заканчивалась ремесленным тупиком. Здесь стояли в основном двухэтажные домишки лавочников и прочего мастерового люда, первые этажи были каменными, вторые деревянными. Старик некоторое время сомневался, а потом решил и, подойдя к окну одного из домов, постучал шестом по раме маленького окошка на втором этаже.

Глава седьмая

Городище

– Два года каторги! Вот чего мне стоило твое бегство! – рослый пожилой мужчина, внешне сильно походивший на нашего попутчика, стоял в дверях и не желал пускать родственника на порог.

– Если бы я не сбежал, то в ереси обвинили бы всю семью, – Кованый попытался положить руку на плечо брата. – Боги наказали меня, лишив на многие годы родных и дома. Во мне недуг коварный, боюсь, отправлюсь к предкам в любой момент... прошу, если не хочешь пустить в дом, то, во славу богов, отсыпь хотя бы праха отца, иначе не будет мне покоя и не примут меня боги.

– Ладно, – тяжело вздохнул брат Кованого, – проходи, простил я тебя давно, а вот увидел, и не знаю, гневаться или радоваться, проходи уже, все же не чужие... а это кто?

– С севера они, встречи с князем ищут.

– С князем, – хмыкнул хозяин дома, приглашая всех войти, – ну хорошо, пусть проходят. А чем это смердит так?

– Трофей у них, который князю предъявить надобно, положить бы его куда, где попроще.

Недовольно хмыкнув еще раз, брат Кованого поманил меня рукой, а затем показал на лаз на крышу:

– Полезай и туда положи, нечего мне по дому смрад разводить.

Дом у ремесленника на первый взгляд был небогатый, все скромно и без излишеств, только количество медной посуды выдавало достаток и положение в посаде. Первый этаж дома занимала скорняжная мастерская и собственно лавка, второй этаж единолично занимал мастер Демьяр, так представился брат Кованого. С первого на второй этаж вела широкая деревянная лестница, из мастерской доносился сильный запах кожи и каких-то смол. Демьяр накрыл нам с Дариной отдельно небольшой столик в гостиной, у окошка, выходящего на узкий и темный переулок, ночевать было предложено там же на широкой лавке. Братья уединились на кухне и тихо о чем-то беседовали.

– К князю один завтра пойду, – прошептал я, когда братья разошлись по комнатам, и из каждой теперь слышался размеренный храп.

Мы тоже расположились на лавке рядом с каменным камином у дальней стены гостиной. Дрова уже давно прогорели, однако тепло хорошо держалось, а угли еще тлели и мерцали красным.

– Это почему? – Дарина приподнялась на локте.

– Потому что это может быть опасно. Помнишь указ княжеский: «Не чинить препятствий иноземцам», – передразнил я того дружинника у моста.

– Так зачем тогда идти к князю? Давай тогда уж в хартские земли подадимся!

– Хочу услышать ответы на непонятные для меня вопросы. Да и с Черnavой неясно, что случилось. А нет у нее, ну... подруг, может, таких же, как она?

– Есть! – снова поднялась на локте Дарина. – Да, икербская женщина, она, должно быть, теперь старая совсем, я ее видела два раза всего. Один раз, когда еще маленькая была, а четыре лета назад она снова была в доме у тетушки.

– Тоже колдунья?

– Да, она у тетушки от Хранителей пряталась, несколько дней жила, а потом на восток, к Желтым горам подалась.

– Ладно, сначала к князю, а потом решим... по ситуации.

– Как? Опять ты словами твоего мира говоришь.

– Спи, до утра совсем немного осталось, – погладил я Дарину по щеке и сам закрыл глаза, проваливаясь в сон.

Разбудили нас монотонные звуки с первого этажа, там вовсю кипела работа, что-то скоблилось, мялось, крутилось, запах кожи стал еще сильнее. Я открыл глаза и обнаружил Дарину сидящей у окошка и разглядывающей переулочек. Она уже была одета, волосы заплетены в тугую косу, в которой появилась вплетенная черная лента.

– Давно рассвело? – спросил я, опустив ноги на холодные доски пола.

За стеной несколько раз ударил колокол, словно отвечая на мой вопрос.

– Понятно, ворота старого города открыли, – сказал я, натягивая сапоги.

* * *

Чуть больше двадцати лет скитаний и нужды наложили определенный отпечаток на характер молодого князя. Что-то надломилось внутри... теперь, ощутив власть и богатство, он стал бояться эту власть потерять, окружил себя советниками, а добрый десяток дюжих рубак-охранителей неотступно следовали за ним везде.

Весть о том, что иноземный кортеж достиг форта, прибыла в Городище с запыхавшимся посыльным под утро, князя будить не стали. Распорядитель Ицкан, что появился при князе сразу после его вхождения во власть, приказал разместить иноземцев в форте, а князю о гостях доложил лично, как только на башне в первый раз ударил колокол.

– Иноземцы прибыли, светлый князь, – Ицкан стоял над княжеским ложем с комплектом праздничного одеяния.

– Когда? – молодой князь сел в большой кровати, протирая глаза. – Где они?

– В форте...

– Прикажи сопроводить их в Городище и прикажи готовить праздничный завтрак.

– Я бы не спешил и сначала выяснил, какие вкусы у гостей.

– Да, да... ты прав, – принимая одежды от распорядителя, ответил князь, – а княгиня, или как ее там...

– Императрица Скади.

– Да! Как она?

– Не знаю, светлейший князь, но судя по той болтовне, что идет в форте, она недурна статью и лицом красива.

Пока кортеж иноземцев двигался от форта к Городищу, в большом зале приемов накрыли столы. Лучшие княжеские охотники успели настрелять дичи. Вино, хмельной мед были поданы к столу, вдоль которого прохаживался распорядитель Ицкан и то и дело подгонял слуг. Вниманию Ицкана привлек размеренный стук подкованных сапог.

– Тарин, ты не жалеешь труд людей! Посмотри, что сделали твои сапоги с лаком.

– Куда прикажете сопроводить иноземцев? – пропустив мимо ушей замечание распорядителя, спросил воевода.

– Они все прибыли из форта?

– Нет, только княжна их, пара бабок из прислуги да десяток охранителей. Остальные в форте.

– Хорошо, – распорядитель Ицкан закатил глаза, демонстрируя уже в который раз, какой невежда этот воевода. – Молодую императрицу – императрицу, Тарин! – проводи с прислугой в западную башню крепости. Там уже все приготовлено.

Тарин все это время смотрел на распорядителя как через стекло, то есть только слушая и не замечая чуть горбатого, с ненормально большой головой бывшего судьи Хранителей, а теперь распорядителя молодого князя. Получив указание, Тарин развернулся на пятке, содрав в очередной раз лак, и отправился исполнять приказание.

Последние пару месяцев служба Тарину была совсем не в радость. Нет, и жалованье, и положение очень даже, однако от того наследника, за которого и рядом с которым пришлось проливать кровь, теперь ничего не осталось. Клятва верности тяготила, отчего Тарин при каждом удобном случае топил тоску на дне кружки с хмельным медом. Выполняя приказ распорядителя, Тарин поручил старшему караула по крепости сопроводить иноземцев в башню, а сам решил зайти в зал приемов, где, как ему показалось, заметил знакомое лицо.

* * *

– Вот оттащал бы тебя за чуб, да под зад сапожищем! – расплываясь в улыбке, вошел воевода в зал приемов, где я скучал уже битый час на пару со странным человеком на лавке по соседству в противоположном углу зала.

– Тарин! – я тоже искренне обрадовался ему. – Очень рад видеть тебя!

Мы обнялись, обменялись рукопожатиями и... пристально посмотрели друг другу в глаза. Тарин не тот человек, которого можно обмануть, сделав вид «ой, что-то в глаз попало».

– Что привело тебя, друг мой Никитин, в такой ранний час к князю?

– Что-то происходит, дружище... в княжестве, на его границах... и... Варас мертв.

– Варас? Как же так?

– Вот так, – я потянул Тарина за рукав к лавке и чуть приоткрыл источающую зловонием торбу, – это один из убийц Вараса.

Тарин, лишь взглянув внутрь, сразу же закрыл торбу, оглянулся на сидящего напротив странного мужика лет под пятьдесят и почему-то в праздничной тунике Хранителей.

– Ты вот это мне отдай... а я уж разберусь... Князю доложу, что ты к нему приехал... он тебя точно примет, но когда, не могу сказать... тут у нас, знаешь, сейчас все мудрено как-то, с этими иноземцами.

– Как отдай? – прошептал я, вцепившись в торбу. – А доказательства?

– Доказательства, что у тебя в руках голова иноземца, которые под защитой княжеской?

– А как же Варас?

– Забудь.

– Знаешь, что! – я отпустил торбу и медленно, но сильно сгреб в руке ворот кафтана воеводы. – Ты это Дарине скажи, чтоб она забыла, а я посмотрю...

– Гневайся, Никитин, гневайся... только тихо и чтобы не видел никто, – Тарин положил свою руку на мою, – нам многое сказать надо, только не знаю, веришь ли ты мне?

– Верю, Тарин, но и то, что происходит...

– Забудь! – Тарин сжал мою руку так, что кости захрустели. – И к князю я бы не ходил на твоём месте.

– Ты на своем, а я на своем месте...

– Тогда, дурень ты настырный, слушай... неважно, как сложится разговор твой с князем, и если ты вообще доживешь до полудня, то на закате я буду в ярмарочной таверне... поговорим, если позволят боги...

* * *

Настроение Корена металось словно птица: с одной стороны, уверения императрицы в том, что орден Хранителей ожидает большое будущее, правда, с некими оговорками... с другой – гонения на орден Хранителей... но Ицкан, клоп библиотечный! Рядовой писарь суда Хранителей в прошлом, а теперь распорядитель князя, поди ж ты! Мысли путались, не позволяли сосредоточиться, еще эти двое напротив...

«Что? Никитин?» – Корен даже не пошевелился, но нутро его, словно охотничья псина, встало в стойку... Не было слышно, о чем говорят эти двое, но тот, который молодой, очень заинтересовал Корена, и имя... Никитин!

* * *

Подпрыгивая от нетерпения, молодой князь выслушал доклад воеводы, желая поскорее приступить к завтраку.

– Ступай, Тарин, и обеспечь иноземных гостей, кто остался в форте, всем необходимым.

– Слушаюсь, князь... Что сказать вашему оружейнику?

– Эм... Которому?

– Никитин.

– Он здесь?

– Да, ждет приема.

– Скажи, что я обязательно его приму и буду рад видеть... но после завтрака.

– Хорошо, князь.

В покои вошел Ицкан, проводил взглядом выходящего Тарина и провозгласил:

– Все готово к завтраку! Приглашать послов?

– Да, Ицкан, пусть занимают места.

– Слушаюсь.

* * *

Для Скади это было словно игра. Дикари, надо отдать им должное, старались, лезли из кожи вон, чтобы угодить. Но и без того все, по мнению молодой императрицы, было очень мило и даже интересно. Столица княжества, которую дикари называют Городищем, оказалась достаточно большим городом, насколько удалось разглядеть по пути из укрепленного форта в крепость, то есть в Старое Городище. Вокруг древних стен обширная площадь, занятая лавками ремесленников, торговцев, и просто домишками тех, кто кормит знать. Внутри же стен и каменные дома с новыми надстройками, и приглядно одетые люди...

– Лет сто назад наша империя была такой же, – леди-наставница задернула штору окошка в фургоне.

– Тут совсем нет нищих, – Скади пересела к другому окну и отдернула штору, – в империи мы бы уже были окружены попрошайками.

– Как вам княжеский генерал, или как его тут называют – воевода?

– Черствый сухарь! Я еще расскажу князю, как он заставил нас передвигаться здесь практически без охраны.

– Похоже, приехали, – леди-наставница нахмурилась и потрогала рукой пояс, под которым был скрыт кошель с золотыми монетами. – Вы бы не очень доверялись этим дикарям.

– Я сама решу, – фыркнула Скади и вышла из фургона к встречающему воеводе дикарей с десятком крепких воинов.

– Князь ждет тебя, – сказал воевода Тарин после того, как один из охранителей, спешившись, подошел к фургону, открыл дверь и, подставив начищенные до блеска наручи, помог императрице спуститься, – иди за мной.

Глава восьмая

Простота зала приемов, куда провели Скади со свитой, даже забавляла. Внутреннее убранство будто из тех замшелых книг императорской библиотеки, которые так любит перечитывать леди-наставница: каменные стены, каменный пол, крепкая и старая деревянная мебель. На стенах начищенные до блеска большие медные щиты. Они развешаны таким образом, что солнечный свет, проникающий в зал через окна, отражаясь, неплохо освещает внутреннее пространство. От большого камина расходится приятное тепло и аппетитный запах жарящейся там же на вертеле косули. Скади проводили за стол поменьше, что был накрыт богаче и у которого стояли только два стула, а свиту и охранителей рассадили за стол побольше и попроще, с двумя широкими лавками.

– Князь Талес! – провозгласил важный толстяк, выйдя из тяжелых, окованных дверей.

Следом, придерживая перевязь, в зал вошел крепкого сложения молодой человек, практично и не ярко одетый и даже симпатичный. Отметив это, Скади непроизвольно немного приподняла бровь и переглянулась с леди-наставницей, на что та одобрительно кивнула.

– Как тебя называть? – Талес сел напротив молодой императрицы.

– Скади.

– Что обозначает твое имя? – спросил князь и жестом указал слуге разлить по кружкам хмельного меда.

– Матушка рассказывала, что на языке древнего народа Каменных башен мое имя означает ветер.

– У твоего народа есть еще один язык?

– Он давно забыт, – Скади задержала взгляд на чеканке медной кружки, удерживая ту за дно тонкими и длинными пальцами. Вдохнув, посмотрела в окно поверх головы Талеса, а потом ему в глаза, и, чуть подавшись вперед и улыбаясь, добавила: – Хотя одним богам известно, что в нашем мире забыто, а что нет. До недавнего времени считалось, что мой народ единственный в этом мире.

– Хм... Только в Трехречье ты встретишь три разных народа, а на севере, за болотами, есть еще один народ, дикие варвары и людоеды.

– Как интересно! Расскажешь мне про это? – Скади улыбнулась князю.

– Я попробую, но предупреждаю, рассказчик из меня не очень хороший. У нас есть библиотека Хранителей, там в старых книгах и дневниках Хранителей можно многое прочитать.

– Кстати об этих ваших Хранителях...

– Суд Хранителей и сам орден с некоторых пор распущен.

– Почему?

– Они перестали служить народу Трехречья и стали преследовать лишь две цели – власть и нажива. Хотя, возможно, я и погорячился с упразднением ордена, не все из них были плохими людьми. К примеру, мой советник очень умен и исполнителен.

– Моя империя прошла длинный путь, прежде чем стать такой, какова она сейчас, и я с удовольствием расскажу об опыте моих предков.

В зал приемов один за другим стали входить слуги с кухни и расставлять блюда на столах, а двое остановились у камина и занялись мясом на вертеле.

* * *

Устал ждать... уже и ходил вдоль стены, и спускался во двор выкурить трубку в компании княжеского конюха, потом даже немного задремал, ожидая аудиенции князя, при этом ни на

секунду не выпуская из рук лямку торбы, что задвинул ногой под широкую лавку. Периодически я посматривал на своего соседа напротив, тот сосредоточенно о чем-то думал, беззвучно шевеля губами и глядя на каменный пол.

Наконец, спустя часы ожидания, громыхнул засов за низкой деревянной дверью под каменным арочным сводом. Мой компаньон по ожиданию аудиенции князя сразу встал, поправил тунику и устоялся на выглянувшем из-за двери княжеского писаря.

– Сначала ты, – писарь кивнул на меня, – у князя очень мало времени, но он готов тебя принять.

– А меня? – растерянно спросил мужчина в тунике Хранителя.

– Не знаю, – писарь шире открыл дверь и активно замахал рукой, торопя меня: – Давай, давай, давай...

Подхватив торбу, я быстро пошел к двери, чувствуя затылком нехороший взгляд.

Комната была темной и, насколько мне было известно, выполняла функции не то допросной, не то комнаты для тайных встреч. В углу некое подобие узкой кафедры, за которой шуршал пером писарь в свете лампы, а посередине единственный предмет мебели – кресло. Большое деревянное кресло, отделанное шкурами и с искусной резьбой, в котором сидел князь и отстукивал пальцами по подлокотнику.

– Никитин! – Талес изучающее посмотрел на меня. – Воевода Тарин сказал, что у тебя что-то очень важное.

– Да, князь, – я остановился и, приложив руку к груди, коротко поклонился.

– У меня иноземные гости, оружейник, и такого еще не было в истории Трехречья! Сейчас небольшой перерыв – гостям показывают старую крепость, посему говори понятно и постарайся не занять много моего времени.

– Если позволишь, князь, то мне бы хотелось поговорить с тобой без свидетелей.

– Хорошо, – Талес указал глазами на штору в углу, за которую моментально прошмыгнул писарь.

Услышав звук закрывшейся двери, я стал рассказывать про дружинника в протоке, про Вараса и его убийц, а также про то, что с ними стало, продемонстрировал содержимое торбы. Еще рассказал про сны Чернавы...

– Варас, насколько я помню, скор на расправу, и сам, скорее всего, спровоцировал чужеземцев! – Талеса будто подменили.

– Нет, князь...

– Замолчи и слушай! Вот это, – указал он на торбу, – оставь здесь. Тебе, за прежние заслуги твои, сейчас разрешаю уйти, но впредь лучше бы тебе не появляться мне на глаза! За то, что ослушался указа моего, освобождаю тебя от клятвы, не служишь ты мне более. Все, уйди с глаз моих!

* * *

Корен словно прилип ухом к двери, пытаюсь расслышать слова. Он уже совсем не расстраивался, что князь не принял его первым, наоборот! Расслышав имена «Ва-рас... Никитин... Чернава...», Корен будто снова нащупал путеводную нить в темноте, снова на горизонте замаячили когда-то ускользнувшие возможности, положение в обществе и власть – власть, к которой он так привык и без которой буквально чах с каждым днем.

– ...освобождаю тебя от клятвы, не служишь ты мне более. Все, уйди с глаз моих!

Услышав эту фразу, Корен побежал к выходу во двор, где Бэлк, управляющий делами в настоящем и наемник в прошлом, дремал в телеге с сеном.

– Бэлк! – Корен даже пустил петуха от переполнявшего волнения, подзывая слугу. – Ты где?

- Здесь, хозяин... – Бэлк свесил ноги с телеги. – Что стряслось?
- Сколько моих людей здесь?
- Пятеро... со мной шестеро.
- Сейчас из той двери выйдет человек, с виду наемник: широкий пояс и на нем перевязь высоко закреплена с необычным мечом. Проследить! Разузнать про него все: где остановился, если вдруг покинет Городище, то выяснить, по какой дороге или протоке, понял?!
- Ух... что случилось-то?
- Похоже, боги снова повернулись ко мне лицом, – нервно теребя медную бляху застежки туники, ответил Корен. – Все, выполняй, а я пока к наместнику Стаку...

* * *

Чернее тучи – с таким видом я вернулся в дом скорняка, сел на лавку и уставился на трещины в толстой доске пола. Дарина все поняла по одному моему виду, снова повернулась к окну и с тоской стала рассматривать плывущие по небу серые облака.

- Хорошо, что вернулся... или сбёг? – Кованый отвлекся от возни у очага.
- Не сбёг, но и князю я больше не служу, освободил он меня от клятвы... Скурвился Талес.
- Что?
- Другой, говорю, стал наш князь Талес.
- И что делать будешь... будете?
- Еще не знаю, но некоторое время в пути проведем. Твой брат не будет против, если мы еще одну ночь переночуем?
- Нет, не будет, он все равно в форте, обоз собирает, сказал, что только к завтраму обернется.
- Дарина, я на базар, надо припасов купить в дорогу.
- В ответ моя амазонка только кивнула.
- Иди, а мы пока чего на обед приготовим, – Кованый наконец развел огонь и, плеснув воды в медный котелок, подвесил его на крюк.

Глава девятая

Побег

Чтобы не провоцировать патрули дружинников, наводнившие улицы Городища, я оставил меч в доме скорняка, сунул за пояс боевой топорик и, накинув грубую суконную накидку с капюшоном, отправился на базар. Может, показалось, но странный тип увязался за мной от дома скорняка. Уже подходя к базару, я остановился и резко повернулся, но хвоста не было. Да уж, параноя какая-то началась после того, как я покинул старую крепость. Покрутившись с минуту и убедившись, что действительно показалось, я направился к торговым рядам. Купил всего понемногу – вяленого мяса, крупы, сыра. В лавке беззубой бабки-повитухи набрал всяких снадобий и трав, мало ли что случится в дороге. Заскочил в лавку продавца одежды, самую дешевую, и прикупил кое-каких теплых вещей. Покрутился еще немного в торговых рядах, убедившись, что никто меня не пасет, направился в таверну, что при посадской ярмарке, выпить чего крепкого, а то продрог не на шутку, да и нервы как струна.

Недолго я в одиночестве цедил кружку крепкого меда, посетителей было немного, и в очередной раз звякнувший колокольчик на двери привлек мое внимание. Тарин остановился, войдя в таверну, нашел меня глазами и, кивнув будто в подтверждение своим мыслям, направился ко мне.

– Торбу твою я схоронил по приказу князя в канаве отхожей, – присел за стол воевода.

– Талес что-нибудь говорил про меня?

– Говорил, – кивнул Тарин и жестом подозвал служку при таверне, – завтра, если попадешься патрулям дружины, окажешься в подвале суда Хранителей.

– Где? Я не ослышался?

– Не ослышался... Талес подписал указ о прощении ордена, а еще теперь при князе будет советник Корен... помнишь такого?

– Точно! – я чуть не подпрыгнул на тяжелом табурете. – В крепости, пока ждал приема, был один человек, важный такой, в тунике, что судьи Хранители раньше носили.

– Вот, верно... он с иноземцами прибыл, червь навозный, – желваки играли на скулах Тарина, – эх, держит клятва меня, иначе...

– А меня не держит! – уже немного захмелев, я допил содержимое кружки и, достав кисет, стал набивать трубку ядреным самосадом, что купил на базаре.

– По совести и по чести, я верен должен быть клятве князю, так что предупреждаю тебя, как друга предупреждаю, уходи из Городища.

– Завтра с рассветом уйдем протокой к Желтым горам. Чернаву найти надо, пропала она куда-то, как раз перед тем, как на заимке Вараса беда случилась.

– Пусть боги примут его, – Тарин отлил меда в мою опустевшую кружку и, поднявшись, сделал несколько глотков.

Я последовал его примеру, встал и в поминание Вараса выпил.

В таверну вбежал запыхавшийся дружинник и, отыскав воеводу, быстро подошел к столу.

– Воевода, князь приказал седлать коней, хочет с княгиней иноземной вкруг Городища объехать, пока светло еще.

– Хорошо, передай караулу, чтобы разезд был готов и ждал у ворот старого городища, я скоро.

Дружинник испарился так же быстро, как и появился.

– Совсем головой захворал наш князь, после встречи с княгиней иноземцев, красива, спору нет, – Тарин задумчиво покачал головой, а потом протянул мне руку: – Береги себя, Дарину береги... прощай.

– Прощай, воевода Тарин, – сказал я уже в спину уходящему другу и когда-то наставнику.

С приближением зимы и день заметно сократился. Выйдя из таверны, я постоял немного, вспоминая ориентиры в виде башен старой крепости, и решил немного сократить дорогу до посада и дома скорняка. Нет, все же не показалось... два силуэта прошмыгнули за изгородь небольшого домишки, когда я остановился, одолеваемый своей паранойей, и резко обернулся. Узкая улочка, канава с нечистотами и серые сумерки, дальше дорога пошире – крестьянские дворы начинаются. Где-то тут надо свернуть, чтобы выйти к улице лавочников, ага, вот и ориентиры – вывеска на углу каменного дома, да улица досками выложена. Идти оставалось немного, еще минут десять придется поплутать. Выбирая место потемней и прижимаясь к стенам домов, я ускорил шаг. Мои провожатые не отставали, странные ощущения – опасности не чувствую, но то, что они по мою душу – это как пить дать.

Скорняжная лавка уже закрывалась, работников, что расходились по домам, провожал, стоя в дверях, Кованый. Увидев меня, он покачал головой и сказал:

– Кабы один был, так хоть пропади совсем, чего девке-то нутро мотать!

– Ну, задержался немного, – я остановился у двери и снова обернулся. – Что, плачет?

– Выплакала уж все, я ее, пока обедали, напоил отваром хмельным, спит она. Иди уже, – старый наемник с осуждением посмотрел на меня и покачал головой. – Похлебка, поди, не остыла, поешь.

Я тихо прошел в комнату на втором этаже и сложил у двери сверток с покупками. Дарина спала, завернувшись в мой кафтан, на широкой лавке у окна. На столе тускло горела лампада, я пододвинул высокий медный кувшин так, чтобы свет не падал на окна, а сам медленно подошел к одному из них. Разглядел не сразу, так как мои провожатые встали в тени одного из домов, вот к ним присоединился кто-то третий, они поговорили, этот третий остался, а двое ушли.

– Что там? – шепотом, чтобы не будить Дарину, спросил Кованый. Он закрыл лавку и поднялся к нам.

– Похоже, следят за мной.

– А говорил, что не сбег, – хмыкнул старый наемник.

– Нет, это не дружинники, да и не стал бы князь этот концерт со слежкой устраивать...

– Чего?

– Я говорю, это не люди князя.

– А кто тогда? – Кованый с интересом присмотрелся в окно. – Не вижу никого.

– Да вон... – хотел я было показать, где стоит человек, но осекся. – Вон там было видно, пока свет в окошке на углу дома не погас.

– Вы чего? – Дарина села на лавке, протирая глаза. Наше со стариком перешептывание оказалось не таким тихим.

– Выспалась? – присел я рядом и обнял ее.

– А ты чего так долго не приходил?

– С Тарином встречался, завтра на рассвете уплываем.

– К Желтым горам?

– Еще не решил, не знаю... давай сначала эту ночь переживем...

Рассказал Дарине и Кованому о слежке от таверны, после чего Дарина сосредоточенно принялась собирать наши вещи, предусмотрительно оставив у окна свой колчан, а старик сказал, что пойдет и зажжет уличную лампаду у входа в лавку да проверит, как закрыл дверь и ставни в лавке внизу. Я же полез в свой ранец, извлек из него увесистый сверток и развернул в свете лампы. Вот он, мой туз в рукаве – 106-й ТОЗ в пошитом мной чехле, который можно закрепить за спиной, ремень с подсумками и шестнадцать патронов, одиннадцать пулевых латунки и пять заводских – волчья картечь в пластике. Латунки пусть полежат, а картечь – один в ствол, четыре в магазин... Старый наемник, наблюдая на моими манипуляциями, присел на табурет у стола и сказал:

– Оружейник, значит?

– Ага...

– Без колдовства, поди, не обошлось?

– Скорее без вмешательства богов, – ответил я и, вставив по местным понятиям «оружие массового поражения» в чехол, закрепил его на поясе.

– Чудной ты, оружейник.

– Был оружейник, не служу я теперь князю.

– Как бы не пожалел.

– А чего мне жалеть-то, не в подвале суда Хранителей – уже хорошо.

– Я про князя, как бы он не пожалел, – старик смотрел на меня таким взглядом, каким когда-то на меня смотрел Тарин, когда мы плыли протокой, а он высказывал свои предположения о том, что я вовсе не охотник с провалами в памяти.

– Ладно... Дарина, раз уж ты выпалась, то посматривай в окно да прислушивайся, не лезет ли кто в дом, а через три часа разбуди меня.

Я осмотрел два собранных у двери баула и свой ранец с притороченным к нему мечом.

Сон не шел. Я лежал на спине, выложив на пол, под лавку, топорик. Минут сорок, может час, пялился в потолок. Дарина, подставив к окну табурет, присматривала за улицей, а Кованый спустился на первый этаж, где тоже некоторое время шаркался из угла в угол, скрипя половицами, но потом затих, и я, слава богам, наконец сомкнул глаза.

Новый советник князя

Внутри все ликовало. Корен уже давно забыл, что может испытывать такие эмоции. А оказавшись в своей комнате в здании суда Хранителей, не смог удержаться, чтобы не пустить слезу. Пусть пыльно, холодно, сваленная в углу мебель и ворох рукописей, зато он вернулся! Пусть не вернулось то положение и та власть, которой он был наделен до появления этого второго, со странным именем Никитин. Хотя чего странного, пришелец просто взял себе имя по фамилии из другого мира, того же, который является родным и для самого Корена. Но теперь, благодаря убедительности, дипломатии, обаянию и, чего уж, женской красоте императрицы Скади, князь Талес огласил прощение Хранителям и принял решение о восстановлении суда. Пусть не сразу, и пока что Корен лишь второй советник и смотритель архива, но кое-что он может и сейчас, например, поднять все свои связи и снова раскинуть паутину по Городищу, а потом и до всего княжества дело дойдет! И этого выскочку и библиотечного червя Ицкана – к ногтю! Но позже... Теперь главное – давать дельные советы Талесу, рассказывать о пришельце из другого мира держать в узде наместника Стака, рассыпаться в комплиментах перед императрицей, даже за этой леди-наставницей можно приударить, и будет еще один подход к расположению Скади.

– Хозяин... – Бэлк встал в дверях, оторвав Корена от мечтаний.

– Есть новости?

– Да, он остановился в одном из домов посада, у хозяина скорняжной лавки.

– Сейчас он там?

– Нет, сейчас он в таверне, что при ярмарке.

– Глаз с него не спускать, сообщать мне о каждом его шаге.

– Понял, – кивнул Бэлк и хотел было выйти.

– Подожди, – Корен протянул свернутый в трубочку листок, – найди этих людей, там указано, где их искать, и еще распорядись, чтобы привели здесь все в порядок.

– Сделаю, хозяин.

– Что ж, теперь к наместнику Стаку, в форт, – сказал Корен, глядя в узкое и высокое окно с аркой, больше похожее на бойницу, и улыбаясь кровавому закату. – Пора начинать новую историю этого княжества!

* * *

– Никитин, – Дарина положила мне руку на грудь, – там всадники на улице.

О да, это ощущение, заставившее меня вскочить с лавки, я ни с чем не перепутаю... лицо горело, все чувства обострились, в комнате темень, но вижу каждую ресницу огромных, наполненных волнением глаз Дарины.

– Сколько их?

– Трое всадников и пеших четверо, с виду наемники.

– Приготовь лук и у лестницы встань, – сказал я. Стараясь не гроыхать сапогами, спустился на первый этаж, прихватив топорик.

– Я не сплю, – тихо пробурчал Кованый, когда я подошел к нему, чтобы разбудить, – кто-то уже давно у дверей возится.

– Придется драться, наемник, и прости, что привел беду в дом твоего брата.

– Драться – это хорошо, – Кованый посмотрел на шест рядом с топчаном, помотал головой, вроде как не подходящее оружие для боя в замкнутом и тесном пространстве кожевенной мастерской, вынул из ножен короткий меч, а из-за пояса достал топорик, чуть крупнее, чем мой.

– Давно возятся? – спросил я и, подняв небольшую лавку, аккуратно поставил ее в паре метров от двери.

– Да порядком уже.

– Значит, скоро войдут...

Вероятно, с помощью какого-то рычага дверь в лавку чуть приподняли, а потом отжали наружу. Сделали это почти без шума, только немного захрустело дерево да тоскливо скрипнули петли... В дверном проеме выросли четыре силуэта, я услышал, как наверху, на лестнице, тонкие пальцы Дарины тянут тетиву... Первые двое шагнули вперед и аккуратно переступили препятствие в виде лавки.

– Кованый, назад! Это чужеземцы! Они видят в темноте! – заорал я, выхватывая огнестрел.

Ш-ш-ших! – прилетела выпущенная Дариной стрела и с хрустом ударила в грудь одного из нападавших. Кованый сделал несколько шагов назад, а я нажал на спуск... на мгновение вспышка выстрела осветила нас всех, грохнуло неслабо, зазвенело и посыпалось стекло окошка, что рядом с дверью, я решил не терять времени и, переступив двоих, сраженных картечью в упор, выскочил на улицу. Нападающие замерли на пару секунд, соображая, что происходит, и я воспользовался моментом и, отскочив еще на несколько шагов от дома, дабы увеличить осыпь, снова выстрелил в двоих, стоявших вдоль стены... еще один, что находился посреди улицы и держал под уздцы трех лошадей, схватился за шею и, дико вопя, стал кататься по земле – это Дарина, сообразив, стала стрелять из окна второго этажа. Я дернул затвор, досылая очередной патрон, и пошел прямо на человека, стоявшего поодаль, в тени кроны невысокого, но с густой листвой дерева у одноэтажного каменного дома. Человек сообразил не сразу, что я его вижу и иду прямо на него, но наконец-то опомнился и побежал было прочь... зарядом картечи я перешиб ему ноги, и он с диким воплем повалился на камень тротуара.

– Кто, кто послал вас? – с ходу я приземлился коленом ему на спину и зарядил смачную оплеуху, аж ладонь отбил. – Кто послал, спрашиваю!

Но бесполезно, то ли в ступор впал от увиденного, то ли болевой шок. Я перевернул подстреленного на спину, положил ему руку на горло и, внимательно осматриваясь по сторонам, с силой сдавил. В нескольких окнах я заметил любопытствующих. Все, нельзя терять времени!

Вбежав обратно в мастерскую, я застал Кованого за тем, что тот со знанием дела перерезал глотку выжившему нападавшему.

– Собираемся, уходим! – зачем-то крикнул я и побежал наверх.

Когда мы с Дариной спустились, то застали старого наемника спокойно сидящим на пороге мастерской.

– Ты чего? Бери вещи, пойдем!

– Вы уходите, и вон лошади как раз...

– А ты?

– Я много лет назад уже сбежал и причинил горе своей семье, останусь, приму еще один бой, а там, если боги пожелают, то я отправлюсь к предкам.

– Как же... – потряс я старого наемника за плечо.

– Уходите, времени мало, а мне все одно долго не прожить, с каждым днем недуг убивает меня.

Со стороны старой крепости послышался приближающийся звук цокота копыт – караул крепости уже спешил к нам.

– Прощай, наемник, – сказал я и подтолкнул Дарину к трем лошадям.

Звон металла мы услышали почти сразу, как свернули в один из проулков – Кованый вступил в бой, а мы, переглянувшись с Дариной, поскакали к протоке, где еще надо было успеть забрать большой мешок из лодки.

– Куда? – взволнованная первым в своей жизни боем и первым убийством человека, спросила Дарина.

– На север, там накануне зимы нас точно никто искать не будет! А Тарин знает, куда мы собирались, я ему сам говорил...

Я специально повел лошадь через окраину посада, где, прижимаясь оградами друг к другу, стояли крестьянские имения с добротными домами, но деревянного настила и, тем более, камня на дороге не было, и мы относительно тихо, сделав крюк, поднялись к мосткам протоки, где оставили лодку. Бросив пару серебряных ноготков в ладонь старухи, что присматривала за мостками и лодками, я спросил:

– Нет ли сухой лодки? А эту я вам оставляю.

– Есть, – пытаюсь разглядеть мое лицо во всполохах огня от железной корзины, что выполняла функцию ночного фонаря, ответила она, – только она больше, чем твоя, и не налаживалась с прошлой осени.

– Я согласен.

– Добавь тогда еще... – старуха снова протянула сухую ладонь.

С объемным баулом за спиной и мешком в руке я вернулся к Дарине, ожидающей меня в тени навеса постоянного двора, со стороны которого уже слабо доносились звуки затихающей пьянки. Навьючив «лишнюю» лошадь, мы медленно, чтобы не привлекать внимания, поехали прямо через местами заболоченный луг к роще, что виднелась вдалеке. Кое-где попадались топкие места, но моя способность видеть в темноте помогала их беспрепятственно объезжать. Уже на границе рощи мы слышали, как на караульной башне старой крепости часто забили в тревожный колокол – стража подняла тревогу.

– Проедем до утра на восток, а как рассветет, наладим лодку у первой же протоки и поплывем на север.

– А Чернава?

– Если она жива, то не пропадет, а если мертва...

– Может, она все же показалась на заимке Ласа? – предположила Дарина, больше для успокоения.

Роща оказалась самым настоящим лесом, который на подорожном лоскуте не был отмечен. Кляня про себя особенности местной топографии, я повел нас по окраине, дальше ночью ехать не рискнул... и приобретенные кошачьи инстинкты не одобряли, да и лошади волновались, чуя дикого зверя. Так краем леса и ехали, пока не забрезжил рассвет, а с восходом солнца

задул по-зимнему холодный ветер. Я посмотрел на Дарину, она, спрятав лицо в поднятый ворот стеганого кафтана, уже давно клюёт носом, еле держит поводья и вот-вот выпадет из седла.

– Можно остановиться, оденемся теплее, поедим, отдохнем пару часов и двинемся дальше.

В ответ Дарина лишь облегченно выдохнула, кивнула и натянула поводья... устала, амазонка моя.

Глава десятая

Путь на север

Утро действительно выдалось морозным, пожухшая и пожелтевшая трава покрылась инеем, но уже к обеду дно небольшого овражка, приютившего нас, оттаяв, сильно пропиталось водой, и под ногами стало хлюпать. Согрели котелок кипятка, которым запили свой поздний завтрак, или обед, что состоял из сыра да вареных яиц, и двинулись дальше, так же краем леса к ближайшей протоке. Я то и дело прислушивался к своим ощущениям, но кроме звуков леса – ничего, ничего подозрительного и представляющего опасность. Неведомый ночной хищник, вероятно, переваривая добычу, отсыпается, и лошади ведут себя спокойно.

Бросать лошадей было жалко, но для наших вероятных преследователей это одна из важных примет и следы. Поэтому, как только в сотне метров от границы леса на солнце блеснула гладь воды, мы расседлали лошадей, отпустили их в лес и пешком отправились к протоке. Дарина помогла мне наладить лодку, подсказывала, как и где вязать жерди, как фиксировать и натягивать «корпус» из просмоленных шкур. Провозились часа три, но справились и спустили лодку на воду, а еще через час добрались до бедного многодворца, где удалось за пару серебряных ноготков купить копченую курицу, лепешек третьего дня да бурдюк чистой воды. Остановившись в многодворце не стали, поплыли дальше, миновали каменный мост торгового тракта и к вечеру, в излучине, где протока немного расширялась, выбрали место для ночлега.

* * *

– Потрудитесь объяснить, наместник, какая великая необходимость была устраивать охоту на этого... как его?

– Никитин, – ответил наместник Стак, стоя перед сидящей в кресле императрицей и, так сложилось, двоюродной племянницей, – по моим сведениям, он собирался покинуть столицу княжества утром.

– Вот и устроили бы засаду за пределами Городища!

– Готов понести наказание, – наместник опустил на одно колено и склонил голову.

– Ваше счастье, что нашелся этот несчастный старик, который задал трепку дружинникам князя и тем самым дал вам время унести тела наших воинов. И встаньте, дядюшка Стак, для вас я не только императрица, а вы для меня единственный родной человек...

Небольшая комната в одной из башен крепости была выделена Талесом под апартаменты Скади, в которых, с согласия князя, и прислуга, и охрана были из свиты императрицы. Прошедшая ночь была шумной, происшествие, из-за которого вся княжеская дружина уже сутки на ногах, предоставило достаточно времени, чтобы наместник разобрался в ситуации и пришел на доклад к императрице.

– ...а наказание для вас будет, я не знаю, как вы это сделаете, но нужно выяснить у всех, кто хоть как-то был близок с этим...

– Никитин... – Стак поднялся с колен и, подчинившись жесту императрицы, присел на табурет у двери.

Леди-наставница сидела в углу комнаты и, подставив страницы очередного скучного, по мнению Скади, романа под солнечный свет, проникающий через единственное окно, делала вид, что погружена в чтение, но при этом была сама внимательность...

– Что же за имя такое! Никак не запомню... Так вот, выясните, как он выглядит, один или со спутниками, и отправляйтесь в крепость у Желтого озера, соберите отряд, наймите

лучших следопытов и найдите беглеца! Отправляйтесь сейчас же, и пусть приведут мне этого Хранителя Корена.

– Слушаюсь, – Стак поднялся, снова припав на колено, низко поклонился и вышел из комнаты.

– Чуть все не испортили, – нахмурившись, Скади посмотрела в окно, на площадь при базаре и здании суда Хранителей, потом слегка переменилась в лице, ее глаза заблестели, и она чуть слышно произнесла: – Матушка, как мне не хватает тебя... ты бы уже решила, что делать...

– Корена пускать? – заглянув в дверь, произнес один из охранителей.

– Да.

– Разрешите... – пряча взгляд, в комнату вошел Корен.

– Что же такого вы мне сейчас скажете, что заставит меня передумать и не отправить вас к Желтому озеру, в крепость, где вам сначала выколют глаза, отрежут язык и уши, а затем отпилят голову? Да, именно отпилят!

– Я знаю его в лицо!

– Хм, невелико дело! Князь Талес тоже знает его в лицо!

– Тогда скажите князю, что вы ищите его бывшего оружейника с целью выяснить его секреты, что ваши люди пытались напасть на него и погибли... и, кстати, кроме меня об этом знают еще несколько верных мне людей, – Корен решил идти ва-банк, хотя ответ он уже знал.

– Вы хитрый человек...

– Я осторожный и немного умею думать наперед, моя императрица...

– Что-то не припомню, чтобы вы присягали мне на верность.

– Что могут значить слова присяги против дел верного подданного?

– Хм, вы не только хитрый...

– Признаю, моя императрица, я поторопился, но обстоятельства очень удачно складывались, и нужно было действовать.

– Но вы его упустили, и самое главное – погибли мои люди.

– Значит, это были не лучшие люди, иначе Никитин бы не ушел.

– А грохочущий огонь, о котором говорили люди? Это колдовство! И вы не предупредили об этом!

– Нет, моя императрица, это не колдовство, это наука, наука, ведомая Никитину, наука, с помощью которой ваше могущество возрастет в разы. Кроме того, я поднял родовые свитки в библиотеке и могу сказать, что появилась еще одна зацепка.

– Что? – Скади даже немного вытянула свою тонкую шею, не поняв выражения.

– Эм... – Корен сам немного удивился тому, как построил предложение, основываясь на фразе далекого мира, – простите, я хочу сказать, что нашел в родовых рукописях возможных родственников того, кто встретил и приютил пришельца.

– Ладно, я прощу вас за произошедшее сегодня ночью, но впредь на любой свой шаг, связанный с поисками беглеца, вы спрашиваете разрешения у меня. Вам ясно?

– Ясно, моя императрица, – ответил Корен и украдкой, но как можно более страстным взглядом посмотрел на леди-наставницу, на что та заметно смутилась и немного покраснела, – так я могу отправиться на поиски?

– С вами пойдут мои люди, – Скади два раза ударила небольшим молоточком по резной розетке на столе.

В комнату вошел коренастый воин в доспехах, которые, похоже, ему были изрядно тесны.

– Моя императрица, – войдя в комнату, командир императорской охраны опустился на колено.

– Тэрей, с этим человеком отправляйтесь в форт, возьмите людей и займитесь поисками, Хранитель Корен в вашем распоряжении.

– Слушаюсь.

– И еще, постарайтесь организовать все так, будто вы исследуете торговые пути и ищете богатые города для торговли.

– Каменки... – Корен осторожно поправил императрицу, – но в тех местах всего один большой каменок, так что лучше искать богатые многодворцы.

– Да, – согласилась Скади, а потом решительно подошла к Корену и добавила, указав на него длинным и тонким пальцем, утяжеленным Перстнем Власти: – надеюсь, вы не подведете?

– Не подведу, моя императрица, – Корен часто закивал и попятился к выходу.

* * *

Утренний туман над протокой начал рассеиваться под ярким светом солнца, а на усохших листьях болотного кустарника стал таять иней. Моя очередь сторожить была под утро. Перенеся «собачью вахту» и встретив рассвет, я развел огонь и, поставив греться воду к завтраку, изучал подорожный лоскут.

– Далеко еще? – проснувшись, спросила Дарина.

– К обеду будем на заимке Ласа, держи, – я протянул Дарине кружку с чаем и лепешку.

Так и случилось, и именно эта территория на подорожном лоскуте была пропорционально и топографически более-менее отображена в виде аккуратных и точных стежков яркой нитью.

Сразу не стали причаливать и выбираться на мостки, а оставив заимку Ласа позади на сотню метров, затащили лодку в сухой камыш и решили дожидаться сумерек.

– Может, останешься пока здесь? – спросил я Дарину, примкнув к огнестрелу магазин и дослав патрон.

– Нет, – категорично ответила она и перекинула лямку колчана через голову, – теперь только вместе.

Я посмотрел на свою амазонку, в очередной раз убедившись в ее решительности. Тоска в глазах пропала, в чертах лица появились какие-то новые выражения, жесткие и лишённые страха.

– Хорошо, но без моей команды ты ничего не делаешь, а если я что-то прикажу, то выполняешь, договорились?

– Да...

Пробрались через камыш и кустарник, затем краем леса вышли к дороге, ведущей на заимку со стороны тракта.

– Подожди, ну я же просил, – придержал я за плечо Дарину, когда она, завидев Ласа у сарая рядом с баней, хотела выбежать из леса. Но не удержал, Дарина побежала к низкой оградке.

Лас, услышав, как его окрикнули, повернулся в нашу сторону с таким лицом, что я уже все понял... Хотя раньше надо было понять – глава рода колет дрова... ага, очень, можно подумать, натурально относительно местных реалий, и на территории заимки никого.

– Засада! – Лас махнул рукой в нашу сторону, а потом развернулся к дому и, перехватив топор, решительно направился к двери.

– Дарина! – крикнул я, сильно испугавшись за нее, выскочил из подлеска, догнал и схватил за руку: – Стой же, назад!

Но поздно, наперерез Ласу из-за дома выскочили двое, в сотне метров из леса вышли еще пятеро «тевтонцев» и направились в нашу сторону. Дарина остановилась и быстро извлекла лук из колчана, стрелу... Выстрел... Все происходило очень быстро, я растерялся, не зная, что делать, то ли хватать Дарину и волоочь ее в лес, то ли выручать Ласа... Сраженный стрелой

наемник, что был рядом с Ласом, упал, а второго, в пару неуловимых взглядом ударов, отправил к предкам сам Лас.

– Бегите же! – снова крикнул Лас, поспешил к дому и вдруг резко остановился, словно наткнулся на препятствие – поймал грудью стрелу, обмяк и упал.

– Давай! – схватив Дарину за плечи, я развернул ее к лесу. – Беги к лодке!

Но бесполезно, откуда-то взявшаяся сила, разбавленная вспыхнувшей ненавистью, помогла Дарине вывернуться, снова натянуть тетиву и выстрелить в одного из приближающихся «тевтонцев», но впустую, стрела лишь чиркнула по доспеху и ткнулась в землю. Шесть... восемь... двенадцать... – начал я считать противников глазами, вскидывая огнестрел и заслоняя собой Дарину. Выстрел, второй, третий... но тут перестал слушаться затвор – плохо опрессованное донце пластиковой гильзы сгубило все мое преимущество в бою. Сунув оружие в чехол, я потащил из ножен меч.

– Беги к лодке! – прикрикнул я на Дарину.

Но куда там! Дарина будто впала в какой-то транс – лицо каменное, бледное от злости, приставным шагом она отходила в сторону, тянула одну за другой из колчана стрелы и выпускала их в сторону врага, но тщетно, доспехи надежно защищали иноземцев. Словно игрок в регби, я подбежал к Дарине и сбил ее с ног.

– Обратно! К лесу!

– Позор на весь род! – суча ногами и колотя меня по спине, кричала Дарина. – Нужно принять бой!

– Если мы сейчас умрем, позора не меньше, да и проку немного! – рыкнул я на нее. – Мы тут как на ладони!

Дарину не слушал, было лишь желание найти укрытие, связать ее там, оставить и вернуться.

Я вскочил на ноги и, схватив Дарину за ворот кафтана, как нашкодившего котенка, поволок ее к ближайшим деревьям. Ощущение опасности заставило меня резко повернуть голову и увидеть, как от сарая два наемника спешат нам наперерез.

– К лодке! – зло зашипел я и толкнул Дарину вперед. – Прошу тебя, беги к лодке, уплывай и жди меня в шалаше у колодца на нашей заимке!

В лунном свете было видно, как блестели ее глаза, наполняясь слезами, время растянулось. Дарина кончиками пальцев коснулась моего лба, провела рукой по лицу. Затем резко развернулась и побежала к протоке. Время вновь ускорилося, я заметил, что у одного из наемников, что бежит в мою сторону, в руках сеть...

– Спайдермен хренов! – сказал я, смещаясь к лесу и занимая позицию между убегающей Дариной и этими двумя. Было видно, как «тевтонцы» тоже медленно приближаются, за ними еще трое наемников с зажженными факелами в руках и... ну да, Хранитель, должно быть тот самый...

Тот, что был с сетью, уже почти добежал до меня и остановился в пяти шагах, широко размахнувшись для броска, совершить которого я ему не дал, удачно метнув выхваченный из-за пояса топорик. До второго я сам сократил дистанцию, подавшись вперед, опустил на колено с длинным выпадом и ткнул того мечом в живот.

– Ну-ка отдай, – вернув меч в ножны, я наступил ногой на корчащегося на траве несостоявшегося рыболова и с хрустом вытащил топорик у него из груди.

«Надо еще потянуть время, дать Дарине уплыть дальше», – подумал я и, достав ТОЗ, снова попробовал дернуть затвор – никак. В отчаянье я стал бить по рычагу затвора обухом топорика, и получилось! Гильза с раздутым донцем упала в траву, я дослал патрон и, сменив опустевший магазин, прицелился, подняв оружие.

– Прячьтесь! – крикнул Хранитель, увидев мои манипуляции, и сам стал прятаться за широкой спиной наемника, понимая, что я держу в руках.

Но «тевтонцы» не понимали, трое из них ускорили шаг, и идущий самым первым громко сказал:

– Сдавайся!

– Сейчас, разбежался! – ответил я и нажал на спуск.

Пролетев не более десяти метров, пуля, пробив кирасу и при этом сильно деформировавшись, буквально взорвала грудь иноземца, и тот упал замертво. Все замерли, и те, кто шел на меня, и еще трое, что вышли из-за бани с луками в руках. А я стал смещаться к хозяйственным постройкам, за которыми были мостки, а затем побежал, быстро и не оглядываясь. Вскочив в одну из двух лодок Ласа, по дну второй я несколько раз ударил топориком, схватился за весло и с силой оттолкнулся от мостков. Парой гребков я задал направление, снова взялся за оружие и, целясь в Хранителя, выстрелил. Однако тот прятался за спины людей, одному из которых и прилетело. Преследовать перестали, явно испугавшись оружия, извергающего пламя и грохот и убивающего на расстоянии.

Глава одиннадцатая

С тяжелым сердцем я оглядывался на поднимающийся дым со стороны заимки Ласа, мне было хорошо слышно, как трещат бревна горящих строений, крики несчастных, погибающих в огне, и видно алое зарево над рощей. Я буквально ощущал их боль, казалось, кровь в моих венах вот-вот закипит от злости. Одновременно со злобой хотелось рыдать и выть от обиды, от чувства вины, но лишь зуд в переносице и горящее лицо стали альтернативой слезам.

Относительно скоро, примерно через час, я был у устья протоки, за сотню метров до озера, прижал лодку к камышу, выбрался на берег и осмотрелся поверх сухого кустарника. То ли от стресса и напряжения, то ли действительно с каждым своим проявлением способности хорошо видеть в темноте, хорошо различать далекие звуки и, самое главное, чувствовать опасность заставили меня присесть на корточки. По спине пробежали мурашки, но это не было вызвано испугом, скорее это неприятие моим изменяющимся организмом того, что происходит вокруг меня. Протока была перекрыта несколькими длинными жердями, в ямке на берегу горел костер, и четверо наемников, соревнуясь в остроумии, стояли рядом со связанной по рукам и ногам Дариной, которая, словно мешок, была заброшена на седло одной из лошадей. Еще двое копошились в лодке, перебирая и прицениваясь к нашему добру. Я подался вперед, аккуратно ступая и стараясь не шуметь, шаг за шагом, в холодной темноте и стелящемся от озера тумане подобрался почти вплотную, и лишь клинок моего меча предательски блеснул в свете появившейся из-за облака луны.

– Смо... – не успел договорить увидевший меня наемник.

В два прыжка я оказался у гогочущей четверки, вложив немало сил в бросок, метнул топорик в самого внимательного и со звериным ревом занес меч над головой ближайшего противника.

– Развалю до задницы! – скалясь, проорал я.

Что-то переключилось в сознании, я видел только цель. Два мощных рубящих удара, выпад, удар в висок навершием рукояти шарахнувшемуся было в сторону противнику, оттуда же рубящий вниз и по шее другому... прямым ударом ноги сбил набегающего на меня противника, отправив в протоку:

– Освежись, урод!

Подскочил к двоим у лодки, которые даже не успели понять, что происходит, с ходу рубанул ближайшего так, что голова осталась держаться лишь на куске кожи, второму вцепил сапогом меж ног и, схватив его за волосы, приложил коленом, затем, приставив клинок к шее, подтащил к костру. Оглянулся на того, что плескался в воде, завалил ногой пирамиду из шести коротких копий, взял одно и метнул... наемник охнул, поймав грудью острие копья, и, перестав барахтаться, сник, а слабое течение понесло его к озеру.

– Ты как? – спросил я Дарину, сильнее прижав клинок к шее новоявленного обладателя сопрано.

– Голова болит...

Только сейчас я рассмотрел лиловую шишку и ссадину над бровью Дарины. Срезал веревки, попутно наподдав сапогом в брюхо утирающего кровавые сопли наемника, я помог Дарине встать ногами на земную твердь.

– Иди в лодку, я сейчас.

Дарина кинулась мне на шею, с облегчением и дрожью выдохнула.

– Ну, все, все закончилось, до лодки дойдешь? Надо уходить.

– Угу, – кивнув и шмыгнув носом, Дарина пошла к лодке, подхватив с земли у костра свой колчан и пояс с коротким мечом.

– А теперь рассказывай, кто вас нанял, – под клинком на шее наемника уже выступила кровь.

– Ххххр... Хр... быв... бывш...

– Соберись! – я вlepил наемнику затрепину и убрал меч в ножны.

– Бывший председатель суда Хранителей, почтенный Корен...

– А иноземцы?

– Они от самого Городища с нами, указом княгини иноземной посланы были, и на то воля князя была...

– Врешь! – придавил ему коленом грудь.

– Нет! – тщетно пытаясь набрать в легкие воздух, он прошипел: – Зачем мне врать? Почтенному Корену было приказано изловить и доставить бывшего оружейника, отступника и убийцу Никитина.

– Так, значит... убийца... Сколько вас всего?

– Две дюжины, еще на заимку оружейника пятеро иноземцев отправились... я все скажу, отпусти только.

– Что еще ты можешь сказать? – я склонился над пленником.

– Если Никитин ты, то искать тебя будут по всему княжеству, в земли Желтого озера бежать пустое, и заставы на трактах к утру выставят.

– Никитин я. Вставай, – срезав перевязь с пленного и спутал ему руки тонким кожаным ремнем и добавил: – Посидишь тут до утра, а Корену скажешь, что я теперь тоже знаю его в лицо.

– Да, да, да, – закивал наемник.

– Тут сиди, – пихнул я пленного ближе к костру, еще околеет за ночь... И, указав на луну, добавил: – Туда смотреть, повернешься – поймаешь стрелу.

Прихватив в качестве трофеев пару вязанок стрел и неплохой охотничий лук, хороший боевой топорик, два овчинных тулупа и торбу со съестными припасами, я вернулся к нашей лодке.

– Болит? – бросив в лодку трофеи, спросил я Дарину.

– Пройдет, давай уплывем скорее отсюда.

– К нам на заимку нельзя, иноземцы засаду устроили.

– Куда же тогда? – растерянно спросила Дарина.

– Теперь одна дорога – на болота, сначала отоспаться... нет, сначала поесть! Есть хочу зверски. А там... утро вечера мудренее.

– Утро вечера мудренее, – задумчиво повторила Дарина, пытаясь понять фразу. Усевшись на нос лодки, накрыла ноги трофейным тулупом. – Да, кроме хозяев болот нам не к кому теперь податься.

– Ты их, главное, не бойся, они страх хорошо чувствуют.

Я аккуратно подгребал веслом, а Дарина, свесившись с носа лодки, ломала топориком грязно-зеленый с вмерзшей ряской не очень толстый лед. От возможного преследования нас давно скрыл туман, мы пересекли Чистое озеро и теперь пробирались дальше на север по замерзшей трясине меж кочек с торчащим из них засохшим камышом.

– Все, добрались, – сказал я, когда нос лодки ткнулся в толстые корни корявого дерева на границе болот и гиблого леса, того самого леса, кишашего тварями, со стороны которого каждую зиму приходят дикари и, собственно, откуда в этот мир явился я сам.

Спрятали лодку в кустах и, немного углубившись в лес, обнаружили приличного размера ямку, оставленную выворотнем большого и толстого дерева, обвитого шипастой лианой-паразитом. Спустя несколько минут в выложенном из камня кострище уже занимался костерок, от света и тепла которого стало уютнее, а Дарина перестала то и дело оглядываться и занялась

ужином. Я же влез на толстый ствол поваленного дерева и, присев, попытался уловить присутствие зверя, часть которого непостижимым для меня образом теперь есть и во мне. Но тщетно, кроме возни большой хищной птицы, занятой неподалеку добычей, не почувствовал ничего.

Скромный, но сытный ужин запили пустым кипятком. Дарину свалила усталость, и она, свернувшись на расстеленных тулупах и укрывшись суконным одеялом, моментально уснула, лишь изредка всхлипывая и вздыхая во сне. Я же уселся на ствол дерева, положил на колени огнестрел и настроился на всенощное бдение.

Городище. Княжеские покои

Изучив некоторое количество свитков из архива суда Хранителей, Скади аккуратно отодвинула от себя шкатулку с пожелтевшими от времени бумагами и, мило улыбаясь сидящему напротив князю, сказала:

– Дорогой Талес, думаю, для наших народов будет только польза от союза между империей Каменных башен и Трехречьем.

– То, что ваши люди смогли пересечь пустыню, это уже подвиг, и, конечно же, жить нашим народам в мире – уже великая польза.

– Именно, – чуть выгнув спину и посмотрев на огонь в большом камине, Скади встала и медленно направилась к его теплу, демонстрируя стройность своей фигуры.

– Вы замерзли?

– Немного...

– Ицкан!

Почти в тот же момент дверь в покои приоткрылась, с поклоном вошел советник.

– Прикажи подать горячего вина и сладких закусок!

Ицкан лишь кивнул, снова молча поклонился и вышел, а в покоях на пару минут установилась неловкая тишина.

– Вы так внимательны, князь, – Скади провела рукой по отполированной поверхности камня камина и, выразительно хлопнув ресницами, посмотрела на Талеса.

Улыбаясь, Талес молча принял комплимент, тоже подошел к камину и, стараясь не выдать смущения, хотел что-то спросить, но в дверь постучали.

Толстая стряпуха, натянуто улыбаясь и тяжело дыша, просочилась внутрь – шутка ли, после марш-броска по винтовой лестнице и коридорам. Она выставила на стол медный кувшин с горячим вином, тарелку с разными кулинарными деликатесами и, так же улыбаясь, вышла.

– Могу ли я кроме союза наших народов надеяться на союз между...

– Не вижу этому препятствий, – Скади не дала договорить Талесу, загадочно улыбнулась и вытащила из своей замысловатой прически редкий гребень. Волнистые густые волосы рассыпались по плечам, – но сначала подайте мне вина и замкните уже дверь...

Глава двенадцатая

За ночь прикорнул-таки пару раз, опершись спиной на корни некогда величавого дерева, которому всё же не хватило сил справиться с коварной лианой, что заплела ветви и ствол и практически вырвала дерево с корнем, но этот процесс, судя по всему, длился много лет – в некоторых местах лиана срослась с корой дерева. В первый раз я уснул примерно на час – звездная карта не сильно сместилась. А во второй раз провалился под утро и проснулся от пробравшегося под одежду мороза.

– Холодно-то как, – тихо сказал я вслух, спрыгивая на землю.

Раздул угли, подкинул хвороста и отлил из бурдюка четверть наших запасов воды в котелок. Дарина спала, накрывшись суконным одеялом с головой, а я присел, согреваясь у костра, и снова прислушался к лесу. Нет, никакого намека на присутствие поблизости хотя бы маленького болотного котенка. Может, с наступлением зимы они куда-то мигрируют? Возможно, но про это я ничего не знаю, к великому моему сожалению. Сторожевой пес, то есть кот, очень даже не помешал бы в этих местах и вообще в сложившейся ситуации. А о запасах воды все же надо подумать, хотя что думать, надо пересекать озеро и отправляться к нашей с Дариной заимке, там колодец... и там же засада. Ночью отправлюсь, если там в засаде наемники Корена, то у меня преимущество, а если иноземцы... Я проверил рукой чехол с дробовиком, – один хрен, преимущество есть! Вообще странное место эти болота, этот гиблый северный и бескрайний лес, обострились все чувства – слух, зрение, обоняние и это так называемое шестое чувство...

– Уже проснулся? – высунув из-под одеяла нос, спросила Дарина.

– Да. Летом в этих местах гораздо живописнее и теплее, а я за ночь промерз порядком.

– Под ликом Большой луны мы здесь долго не сможем жить, – Дарина села, поджав к груди колени, и уставилась на костер, – трудно будет в лесу без дома, это еще зима не в полную силу явилась.

– Согласен, и с чистой водой здесь плохо, от слова совсем! Не ждать же, когда снег выпадет, и потом топить его.

– Можно к Чернаве уйти, у нее за птичником есть маленький погреб, отец копал, чтобы тетушка могла спрятаться от люда темного или от стражи судейской.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.